

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 111, декабрь 2023

США И КИТАЙ

В ВОЙНАХ КРИЗИСА ПОРЯДКА

Украина, Эфиопия, Судан, Армения, теперь Газа: войны и битвы *кризиса порядка* следуют одна за другой. Одновременно нарастает напряжённость вокруг Тайваня и в Южно-Китайском море, Токио и европейские державы перевооружаются, Вашингтон плетёт сеть так называемых *минилатеральных* соглашений в Азии, чтобы уравновесить Пекин посредством Австралии, Южной Кореи, возможно, Филиппин и Индии. По крайней мере, таковы американские намерения.

Многополярная динамика сил переплетается с биполярными линиями, проходящими через Вашингтон и Пекин, как в столкновении, так и в кратковременной стабилизации, которую обозначил саммит в Сан-Франциско между Джо Байденом и Си Цзиньпином. Однако расположение старого порядка расширяет поле деятельности для средних держав и региональных игроков; вновь вспыхивают *замороженные конфликты* и приходят в движение вековые линии стратегических разломов.

Разумеется, в природе *унитарного империализма*, глобальной системы держав, противостояние между империалистическими центрами порождает войны и частичные кризисы; любую конкретную последовательность конфликтов квалифицирует уровень и интенсивность противостояния, т. е. то, что характеризует борьбу *империалистического порядка, кризис этого порядка*, и, наконец, его *слом*.

В 1980-е годы в результате противостояния *находящихся в упадке сверхдержав* – США и СССР – и восходящих Германии и Японии возгорелось *новое противостояние*. Война СССР в Афганистане, кризис в Польше, длительный конфликт в Персидском заливе между Ираном и Ираком сопровождали это воспламенение противоречий. Перевооружение, предпринятое Штатами в период президентства Рональда Рейгана, было призвано противостоять многополярным тенденциям; Вашингтон намеревался сохранить военно-стратегическое преимущество не только над СССР, но и над своими союзниками-конкурентами в Азии и Европе.

В итоге, *новое противостояние* и *военный цикл* привели СССР к краху; Москва не смогла противостоять новому уровню перевооружения, *либеристскому циклу* и ускорению многополярной динамики в Азии и Европе.

1990-е годы открылись распадом СССР и воссоединением Германии; как непреднамеренный результат американского сопротивления многополярным тенденциям, Германия, а затем Европейский Союз с федерацией евро

оказались реальными победителями *нового противостояния*.

Первой войной в Персидском заливе в 1991 г. Соединённые Штаты Джорджа Буша-старшего намеревались вновь утвердить Вашингтон в центре всякого баланса, на атлантическом и азиатском фронтах: война была также предупреждением франко-германским планам *европейской обороны* и японским амбициям на большую стратегическую автономию. Парализованный войной Токио пустил на дно проект военно-политического самоутверждения, предпринятый Ясучиро Накасонэ десятилетием ранее. Только сегодня, спустя тридцать лет, в новой стратегической корреляции *кризиса порядка*, эта линия реализуется в перевооружении Японии, подготовленном Синдзо Абэ и осуществлённом Фумио Кисидой.

Включая первую войну в Персидском заливе, с этой стратегической цезурой 1989–1991 годов было связано около десяти конфликтов, начиная со столкновений на территории бывшего СССР, продолжая войнами распада Югославии, число жертв которых оценивается от 300 до 500 тыс. человек.

2000-е годы, после террористической атаки на Башни близнецы в Нью-Йорке 11 сентября 2001 г., были отмечены американской интервенцией в Афганистан и второй войной в Персидском заливе. Начались конфликты *новой стратегической фазы*: Вашингтон вновь прилагал усилия к сохранению своего стратегического превосходства, однако на этот раз пытаясь сыграть на сроках восхождения Китая и консолидации Европы. В то время как ЕС в результате американского вторжения позволил разделить себя на *старую* и *новую Европу* и отложил на двадцать лет решительные шаги в реализации планов по созданию *европейской обороны*, Китай продолжал своё шествие, а США в *военных усилиях* начали ощущать свой относительный упадок. Провозглашённая в период президентства Барака Обамы политика *ретренчмента*, а также последствия глобального кризиса, начавшегося в 2008 г., способствовали началу запутанного сезона *арабской весны*, которые с 2011 г. вылились в войны в Ливии, Сирии и Йемене.

Именно летом 2008 г., в начале финансового кризиса, который мы назвали *кризисом глобальных отношений*, начались размышления о «*кризисе империалистического порядка*». Шесть лет назад, в конце 2017 г., анализируя начатый Си Цзиньпином поворот в линиях проекции китайского империализма и учитывая сроки реализации его плана перевооружения, мы предполо-

жили, что этот *кризис порядка* предвещает пятнадцатилетний период беспрецедентной напряжённости в двух вариантах: крупная война на *сломе порядка* или растущая серия частичных конфликтов.

Сейчас мы наблюдаем *войны кризиса порядка*. Войны 1980-х годов ознаменовали собой *новое противостояние* эрозии ялтинских балансов. Войны 1990-х годов сопровождали завершение этого передела в комбинации катастрофы СССР и объединения Европы, которая на этом фронте имела стратегическое значение третьей мировой войны, но в поражении Москвы выглядела как подтверждение *атлантического порядка*. Войны 2000-х годов знаменовали *новую стратегическую фазу*, в которой Китай выступил в качестве новой империалистической силы.

В сегодняшних войнах *кризис порядка* становится явным, Пекин требует его ревизии, осуждая пристрастность институтов и механизмов, определяемых *старыми державами* Запада, основанных на балансах, сложившихся восемьдесят лет назад после второй мировой войны. То, что это происходит в диалектике между биполярными линиями и многополярной динамикой, отражает состояние новых глобальных балансов между державами, где Китай вступил в соперничество с США за место первой державы, но в этом противостоянии участвуют и другие великие державы и крупные силы континентального масштаба.

(продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, ноябрь 2023 г.

Содержание

США И КИТАЙ В ВОЙНАХ КРИЗИСА ПОРЯДКА	стр. 1
Временная стабильность между Вашингтоном и Пекином	стр. 2
Кошмар долгов и фиктивного капитал	стр. 3
<i>Европейские хроники</i>	
Перетасовка в Британии.....	стр. 4
<i>Российские хроники</i>	
Сжатие проекции Кремля	стр. 5
Движение Сопротивления и империалистическая конфронтация в Северной Африке	стр. 6
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Пекин преследует Вашингтон в Газе.....	стр. 7
<i>Издательская новинка</i>	
Глобальные кризисы, европейская война и неравномерное развитие	стр. 8-9
<i>Крупные группы в Китае</i>	
Немецкие корни китайской химии.....	стр. 10
Дипломатия региональных держав в войне в Газе	стр. 11
<i>Крупнейшие группы России в 2022 году</i>	
Хрупкий оптимизм.....	стр. 12-13
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Эрфуртская программа	стр. 14
<i>Рабочая борьба в мире</i>	
UAW использует благоприятный момент.....	стр. 15
Спокойная жизнь	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Гиганты Азии: кризис на площади Тяньаньмэнь

Чэнь Юнь предвосхищает фискальную и монетарную централизацию....	стр. I
Тяньаньмэнь выявляет равновесие властей.....	стр. II
Плюрализм разделяет Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК.....	стр. III
Чжао Цзыян предлагает социал-демократию сверху.....	стр. IV

Временная стабильность между Вашингтоном и Пекином

(начало на стр. 1)

По мнению *Le Monde*, саммит в Сан-Франциско между Джо Байденом и Си Цзиньпином прошёл «по нижнему уровню», будучи «диалогом, пропитанным недоверием». По мнению Доминика Моизи из Института Монтеня, это были переговоры о «паузе», поскольку «фактор времени» стал решающим для обоих соперников. Пекин с осторожностью ожидает результатов американских президентских выборов 2024 г., где не исключено возвращение Дональда Трампа, и не хочет добавлять к внутренней неопределённости внешние авантюры. Вашингтон не питает иллюзий относительно китайского режима и его «гегемонистских амбиций», но не хочет, чтобы к конфликтам на Украине и в Газе добавились новые.

По мнению Натали Точки из Института международных отношений (IAI), наряду с условными «центростремительными» силами, которые могут сблизить США и Китай, существуют «системные и существенные» центробежные силы, «и они неизбежно возьмут верх». С точки зрения *Süddeutsche Zeitung*, Си всего лишь ведёт «игру по поводу времени», Китай говорит, что хочет разрядки, но готовится к конфронтации. *Handelsblatt* считает, что Пекин позиционирует себя в качестве палача «истинного многостороннего подхода» и «глобального Юга», в действительности же он заинтересован в создании «Большой двойки», в рамках которой он будет иметь дело с Вашингтоном на равных. Не только столкновение, но и биполярное согласие между США и Китаем – классический европейский кошмар. В Нью-Дели со страниц газеты *Indian Express* Раджа Мохан, аналитик, близкий к индийской доктрине *многовекторности*, высказывает те же опасения.

В том числе и по мнению *Financial Times*, как США, так и Китай стремятся к «стабилизации», несмотря на углубление «стратегического соперничества». Вашингтон оказался в ситуации, когда ему приходится считаться с войнами на Украине и Среднем Востоке. В последнем случае он опасается расширения регионального конфликта и думает о «потенциальном умеряющем влиянии» Пекина на ключевых региональных игроков, прежде всего на Иран. Китай беспокоят растущие внутренние экономические проблемы: замедление роста, задолженность местных органов власти, «шаткий рынок недвижимости» и «первое падение прямых иностранных инвестиций» за четверть века. По мнению старшей аналитики энергетической аналитики Дэниела Ергина, высказанному в *Wall Street Journal*, Китай, как и Иран, также заинтересован в том, чтобы не допустить расширения конфликта на Среднем Востоке, что может поставить под угрозу нефтяные маршруты. Пекин на 75 % зависит от импорта нефти, и половина этого потока проходит через Ормузский пролив.

Если речь идёт о временной стабильности, как утверждает большинство международных аналитиков, то вопрос заключается в том, как будут действовать средне- и долгосрочные тенденции в стратегическом противостоянии, которые вращаются вокруг диалектики биполярности и многополярности. Дмитрий Тренин из РСМД

пишет, что США «самопровозглашённые победители в холодной войне», но они не смогли создать «прочное международное равновесие», которое сменило бы «биполярную систему», сложившуюся после второй мировой войны. Нынешние войны – это цена, которую платят во всём мире за неспособность Соединённых Штатов выполнить их долг «архитектора мирового порядка». О провале западнического течения в России свидетельствует размышление о 1990-х годах. «Тридцать лет назад, по окончании холодной войны, США как главная мировая держава имели возможность начать строительство многополярного мира, в котором они могли бы закрепить за собой роль балансира и модератора». Прецедентом были задачи, которые Франклин Д. Рузвельт ставил перед ООН в 1945 году; в 1991 году ситуация была ещё более благоприятной. Россия «мечтала об интеграции в западные институты». Китай сосредоточился на себе, «озабоченный строительством капитализма». На Среднем Востоке соглашения в Осло давали надежду на умиротворение. Но американский политический класс выбрал триумфализм в связи с победой в холодной войне, нежась в «однополярности» и мифе о собственной «незаменимости» и «исключительности» (*RT*, 13 ноября 2023).

Тимофей Бордачёв, программный директор международного дискуссионного клуба «Валдай», утверждает, что именно Европа в 2000-е годы вернула тему многополярности, но её ослабление в последующие десятилетия усилило зависимость от США в сфере безопасности, что заставляет говорить сегодня о «новой биполярности» между США и Китаем.

Статья советника Байдена по национальной безопасности Джейка Салливана в журнале *Foreign Affairs* с одной стороны, подтверждает, что нынешняя администрация не отступает от формулы, по которой США считаются «незаменимой нацией», а с другой – признаёт, что международные отношения вступают в новую, гораздо более спокойную фазу. По мнению Салливана, «эпоха, следовавшая за холодной войной» определённо закончилась, мы вступаем в «новый сезон стратегической конкуренции». По его мнению, Соединённые Штаты сталкиваются с «третьей фазой глобальной роли, которую они взяли на себя после Второй мировой войны». При этом акцент делается на фактор мощности промышленной базы. На первом этапе, с 1950-х по 1970-е годы, цель укрепления демократического лагеря и сдерживания СССР опиралась на промышленные и технологические усилия, которые начали ослабевать в 1980-е годы. На втором этапе, «когда США остались без конкурентов», Вашингтон стремился «расширить порядок, основанный на правилах»; это был как период глобального развития, так и «больших геополитических изменений». Сейчас США находятся «в начале третьей фазы»; они должны подготовиться к «новой конкуренции в эпоху взаимозависимости и транснациональных вызовов», а это требует «нового фундамента американской силы». Отметим, что, с точки зрения Салливана, линии промышленной политики и государственного интервенционизма являются предпосылка-

ми сохранения глобальной роли в том числе и в военном отношении. И, во всяком случае, он считает, что старый американский и западный порядок может быть адаптирован к новой фазе «стратегической конкуренции». Самоуверенность в признании «глобальной роли» США вступает в противоречие с широко распространённым в других столицах представлением об опасности политической нестабильности в американской метрополии. Даже по мнению журнала *The Economist*, переизбрание Трампа стало бы «самой большой опасностью для мира в 2024 году».

Заслуживает внимания и второй аспект тезиса *Financial Times*: Китай ищет передышки, поскольку ослаблен экономическими трудностями. В целом складывается впечатление, что циклическая ситуация в китайской экономике как провал политики Си Цзиньпина искусно преувеличивается; об этом с противоположных сторон спорят течения, поддерживающие переговоры с Пекином, и те, что хотели бы приближения момента, когда можно будет воспользоваться его слабостью.

Дискуссия в американском CFR может осветить среднесрочную перспективу, в которой есть фаза перемен, не подрывающая со временем рост Китая как стратегического конкурента США, но предполагающая критический период реструктуризации. По мнению Адама Позена, главы Института Петерсона, именно авторитарный и дирижистский поворот Си подорвал ход цикла посредством своего рода «длительного экономического Ковида», по сравнению с возрастающей ролью частного капитала в последние десятилетия «китайского экономического чуда». В эссе, опубликованном в августе журналом *Foreign Affairs*, Позен утверждал, что США должны проводить политику «открытых дверей» для китайских инвестиций, поскольку это усилило бы противоречия режима.

Цзунгюань Цзоэ Лю из отдела китайских исследований CFR, и Майкл Петтис, сотрудник Института Карнеги, но также профессор финансов Пекинского университета, доказывают преобладание структурных факторов в замедлении китайского роста. По мнению Петтиса, идея о том, что быстрый рост происходит благодаря частному сектору, а замедление – за счёт государственного, не применима к Китаю: «Напротив, государственное вмешательство стимулировало бурный рост Китая в первые десятилетия экономических реформ». Проблема заключается в том, что эта модель с высокими сбережениями и инвестициями достигла своего пика примерно в 2006 году. Это требовало «новых коммерческих, юридических, финансовых институтов» для повышения доходов и системы социального обеспечения, но, как и другие страны, достижения этого переломного момента – Бразилия в 1970-х годах, Япония в 1980-х, – Пекин не стал реформировать свою модель и продолжал ориентироваться на всё менее продуктивные инвестиции.

Петтис опирается на свою давно разработанную линию мышления в отношении «китайской реструктуризации»: его текст «Avoiding the fall» («Избежать падения») датируется 2013 годом. Показательна ссылка на тезис Альберта Хиршмана 1970 года: каждая экономи-

ческая модель развивает институты, опирающиеся на выгодные для неё сектора и области, которые защищают её выживание даже тогда, когда эти институты перестают быть функциональными для развития. В этом можно усмотреть признание закономерности кризисов нарушения равновесия, а также перехода от политического цикла государственного капитализма, который ознаменовал экономические чудеса после второй мировой войны.

Десять лет назад, комментируя серию политических волнений в Бразилии, Турции, Индонезии, а также публичное появление реформистской линии в Китае, мы выдвинули гипотезу о цикле кризиса модернизации, в рамках которого новым державам пришлось бы решать те же дилеммы, с которыми столкнулись старые державы в переломные 1970-е годы. Оказалось, что эти импульсы не столь решительны и определённы, как предполагалось. Но сегодня именно кризис порядка, как демонстрирует «доктрина Салливана», ставит на службу направления промышленной политики и государственного интервенционизма. Можно спорить с тем, что линия Си объясняется инерцией старых структур и групп государственного капитала; с другой стороны, американское беспокойство в подготовке мер технологического отрицания в отношении Пекина демонстрирует, что китайские планы в области высоких технологий представляют собой серьёзную угрозу. Происходила и происходит реструктуризация и модернизация сверху, хотя – это факт – её результаты предстоит проверить в противостоянии.

Это традиция американской экономической мысли предписывать вегетарианскую диету конкурирующим империалистическим державам, где потребление и благосостояние среднего класса должно служить буфером для конкуренции на мировых рынках; также было и с обвинениями, выдвинутыми в 1970–1980-х годах против линий промышленного и ускоренного развития Германии и Японии. Пока не решено, на основе каких дозировок китайский дракон будет регулировать баланс между социал-демократизацией внутри страны и империалистической проекцией вовне, как экономической, так и военной, однако несомненно, что эти два процесса будут переплетаться.

Об этом свидетельствует и война в Газе, где Китай проявляет беспрецедентный дипломатический динамизм через БРИКС и в поддержке инициативы, возникшей в Эр-Рияде на саммите Лиги арабских государств и Организации исламского сотрудничества. Пекин открыт для сближения с Вашингтоном и даёт более оптимистичную, чем американская, интерпретацию саммита в Сан-Франциско. Но в то же время он не перестаёт указывать на неадекватность атлантического старого порядка, представляя растущий Глобальный Юг и посредничая в конфликтах и напряжённости новой эпохи.

Империалистическое противостояние – это не только войны, но и конкуренция между миротворцами. Тем временем Китай уже прочно вошёл на Средний Восток.

Кошмар долгов и фиктивного капитала

В октябре ни один из крупнейших западных центральных банков не повысил ключевую ставку. ЕЦБ, ФРС, Банк Англии, Банк Канады сохранили её без изменений. Центральные банки Чехии и Новой Зеландии остановились ещё ранее, а ЦБ Бразилии, Чили, Венгрии и Польши даже начали процесс смягчения своей монетарной политики.

Единственными, кто двинулся в противоположном направлении и повысил ставку, стали Банк России, который, чтобы защитить обменный курс обурованной войной рубля, поднял её с 13 до 15 %, и турецкий центробанк, повысивший ставку с 30 до 35 % в безумной гонке (в мае ставка составляла 8,5 %) пытающийся остановить вышедшую из-под контроля инфляцию и обвал турецкой лиры.

Новые дилеммы для центральных банков

Эта пауза крупных центробанков составляет большинство комментаторов считать, что безумный период роста стоимости денег, начавшийся весной 2022 года, закончился, и теперь они призывают начать двигаться в обратном направлении – осуществить десталинизацию ставок. ФРС и ЕЦБ отрицают, что пауза означает конец сдерживающей монетарной политики, и опасаются, что преждевременная демобилизация может привести к возобновлению инфляции; в любом случае они хотят сохранять высокие ставки в течение «достаточно долгого времени» (Кристиан Лагард), потому что «ещё предстоит пройти долгий путь» (Джером Пауэлл).

Самые тревожные аргументы против этой линии исходят из Лондона. Мартин Вулф в колонке *Financial Times* предупреждает о риске того, что чрезмерная задержка смягчения может привести «даже к возврату к слишком низкой инфляции», то есть на порог дефляции. *The Economist* утверждает, что в мире, где потребление замедляется, стоимость капитала растёт, а государственные расходы порождают большой дефицит, в некоторых крупных странах превышающий 5 % ВВП, формула «выше и дольше» является «невыносимой», представляет собой «вызов гравитации». Однако у сторонников того, чтобы бросить этот вопрос гравитации, есть некоторые аргументы.

Жан Буавен, бывший заместитель управляющего Банка Канады, а ныне генеральный директор инвестиционной компании BlackRock, в интервью газете *Le Figaro* утверждает, что мы вступили в «новую эпоху», где основные тенденции потрясают предыдущий порядок, а изменения становятся структурными, а не просто циклическими: инфляция будет иметь тенденцию стабилизироваться на уровне 3, а не 2 %, и центральным банкам придётся бороться с ней высокими ставками; формула «whatever it takes»¹ больше не работает. Когда реальные процентные ставки превысят темпы роста, «бюджетная арифметика» изменится; уменьшить соотношение долг/ВВП, воздействуя на знаменатель, будет сложно, необходимо будет сократить числитель.

Крупнейшие должники

Газета *Financial Times* в некоторых своих статьях иллюстрирует последствия установления высоких процентных ставок, наблюдаемые из Сити. Долг является

сырьём для *private equity* – финансовых групп, которые скупают компании в расширяющихся секторах с использованием большого объёма заёмных средств, реструктуризируют их и, как правило, перепродают. Пятнадцать лет низких процентных ставок стали золотым веком для этих «новых титанов». В 2021 году они достигли вершины, заключив сделок на сумму 1,2 трлн долларов. Рост ставок перекрыл потоки нового капитала. Некоторые группы прекратили выплату дивидендов, а другие, чтобы их выплатить, влезли в долги. В целом сектор располагает 2,5 трлн долл. ликвидности, но также 2,8 трлн долл. непроданных инвестиций. Газета пишет: «Доля просроченных кредитов растёт, и кредитные организации всё активнее берут контроль в свои руки в ущерб владельцам акций. В последние месяцы KKR, Bain Capital, Carlyle и Goldman Sachs потеряли контроль над компаниями, которые они поддерживали финансово».

Правительства являются крупнейшими должниками на рынке. Повышение ставок увеличивает долги, но не только это. Как только количественное смягчение заканчивается, центральный банк прекращает покупать государственный долг. Рынок американских казначейских облигаций достигает 25 трлн долл., что в 5 раз превышает уровень 2008 года; срок действия 31 % трежерис² истекает в следующем году, и рынкам придётся перефинансировать без помощи ФРС. После искоренения инфляции возврата к допандемическим уровням ставок уже не будет. По мнению лондонской газеты, они будут поддерживаться высоким долгом, в том числе необходимым для энергетического перехода и, добавим, перевооружения. В 2018 году страны Большой Семёрки выплатили процентов на сумму 905 млрд долл. В 2026 году, полагает Standard & Poor's, счёт вырастет до 1,5 трлн долл. Moody's прогнозирует, что расходы на выплату процентов в США вырастут с чуть менее 10 % государственных доходов в 2022 году до 27 % в 2033-ем.

Настоящие стресс-тесты

По данным ФРС, долговая нагрузка американских компаний составляет 13 трлн долл. В течение следующих 5 лет им придётся выплатить 3 трлн долл. Средняя стоимость финансирования 8,6 трлн долл. высококачественных корпоративных облигаций сегодня составляет 6 %, что в три раза превышает минимум 2020 года. Доходность по облигациям более низкого качества составляет от 9 до 15 %.

Героями недавних дебатов в МВФ стали долги «развивающихся» стран и восходящих держав. По оценкам Всемирного банка, глобальное повышение ставок и сильный доллар означают, что для 23 % этих стран затраты на финансирование своего долга стали на 10 процентных пунктов выше, чем в США, в 2019 году доля таких стран составляла менее 5 %. Удар более чем болезненный. Брэд Сетсер из Совета по международным отношениям говорит, что создана среда, в которой только самые сильные «развивающиеся» рынки могут позволить себе занимать доллары. Подгруппа более слабых «развивающихся» стран «только что была исключена из рынка долларовых облигаций». В период с 2019 по 2021 год «развивающиеся» рынки выпускали валютных долгов

на сумму 700–900 млрд долл. в год, в 2022-м их эмиссия сократилась вдвое.

Два долга

В сентябре финансовый департамент МВФ представил анализ совокупного мирового долга. Он достиг своего исторического пика в пандемийном 2020 году, причём это касается как его государственного, так и частного компонента. Тогда совокупный мировой долг был равен 258 % ВВП, а затем снизился до 238 % в 2022 году; государственный долг превысил 100 % ВВП, а затем упал до 92 %; частный долг достиг 158 % ВВП, а затем упал до 147 %. Совокупный долг в 2020 году вырос на 30 процентных пунктов по сравнению с 2019-м; в 2021–2022 годах он снизился на 20 пунктов (-12 в частном секторе и -8 в государственном).

Прежде всего, стоит отметить, что ни одна из крупных стран не вернулась на допандемический уровень; во-вторых, за четырёхлетний период 2019–2022 гг. общий долг США стабильно превышал долг еврозоны с разницей в 20 процентных пунктов (274 % ВВП против 254 % в 2022 г.) за счёт более высокого коэффициента государственного долга; в-третьих, Китай догнал по этому показателю США (272 % ВВП), его долг за этот четырёхлетний период вырос на 25 пунктов, из них 17 пришлись на государственный долг, но с 2010-х годов частный долг увеличился более чем на 30 пунктов; в-четвёртых, в долгосрочной перспективе рост долга кажется неудержимым, учитывая чередование периодов роста и кризиса: с начала 1970-х годов утроился глобальный государственный долг, а с начала 1960-х – частный. Китай прошёл этот путь гораздо быстрее, увеличив примерно в три раза свой частный долг за 35 лет и в четыре раза государственный долг за 30 лет.

Бумажное богатство

В докладе McKinsey Global Institute, опубликованном в мае прошлого года, исследуются истоки финансового цикла 2000-х годов. Центральное наблюдение – это устойчивый дисбаланс: начиная примерно с 2000 года (в различных странах по-разному) чистая стоимость активов, стоимость активов и долгов начали расти быстрее, чем ВВП, в то время как производительность в странах Большой семёрки замедлялась со скоростью 1,8 % в год в течение двадцатилетнего периода 1980–2000 гг. и 0,8 % в период с 2000 по 2018 год. Между 2000 и 2021 годами, пишут исследователи, быстрый рост цен на движимое и недвижимое имущество по отношению к ВВП создал 160 трлн «бумажного богатства». На каждый доллар чистых инвестиций было создано 1,90 долл. чистого долга. За этот период «глобальный балансовый отчёт» увеличился в четыре раза, в результате чего стоимость недвижимости выросла до 610 трлн долл., финансовых активов вне финансового сектора – до 520 трлн долл., а внутри финансового сектора – до 500 трлн долл.

Весь процесс был вызван «структурным снижением реальных процентных ставок», которое проявилось в трёх волнах: первой была волна субстандартной ипотеки, которая закончилась пузырями на рынке недвижимости, лопнувшим в 2008 году; вторая опиралась на количественное смягчение и создание денежной массы центральными банками; третья пришла во время вспышки пандемического кризиса

с возобновлением политики количественного смягчения, усиленной избыточными сбережениями домохозяйств и государственной фискальной поддержкой; во время этой волны на каждый доллар чистых инвестиций было создано 3,4 доллара нового долга.

В версии McKinsey – в отличие от гипотез «вековой стагнации» – особое внимание уделяется массивному созданию фиктивного капитала (бумажного богатства), но этот феномен рассматривается исключительно как продукт цикла необычайно слабых инвестиционной активности и производительности.

В III томе «Капитала» Маркс рассматривает образование фиктивного капитала как характеристику формы денежного капитала и капиталистического развития. Ценные бумаги всех видов: облигации, акции, векселя и т. д. – образуют «мыльные пузыри номинального денежного капитала». «В действительности все эти бумаги суть не что иное, как накопленные притязания, юридические титулы на будущее производство, денежная или капитальная стоимость которых либо вовсе не представляет никакого капитала, как в случае государственных долгов [...]. [...] Во всех странах капиталистического производства в этой форме существует огромная масса так называемого приносящего проценты капитала, или moneyed capital. И под накоплением денежного капитала большей частью подразумевается только накопление этих притязаний на производство, накопление рыночной цены, иллюзорной капитальной стоимости этих притязаний. [...] С развитием капитала, приносящего проценты, и кредитной системы всякий капитал представляется удвоенным, а в некоторых случаях даже утроенным вследствие разных способов, благодаря которым один и тот же капитал или даже одно и то же долговое требование появляется под различными формами в различных руках. Большая часть этого «денежного капитала» совершенно фиктивна»³.

Lotta comunista, ноябрь 2023 г.

- 1 – Чего бы это ни стоило (англ.).
- 2 – Государственных долговых ценных бумаг.
- 3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 11, 13.

1919–2019. 100 лет
Коммунистическому
интернационалу: 100 миллионов
мировой партии пролетариата

608 страниц, твёрдый переплёт,
именной указатель,
иллюстрации по тексту.

978-5-6042357-0-6

Цена 450 руб.

Европейские хроники

Перетасовка в Британии

В понедельник, 13 ноября, Риши Сунак объявил о масштабных перестановках среди министров с целью формирования более стабильного, компетентного и центристского правительства, обладающего также большим авторитетом за рубежом.

Наиболее яркими событиями в этой череде являются увольнение министра внутренних дел Суэлла Браверман и её замена Джеймсом Клеверли, чей пост министра иностранных дел переходит к Дэвиду Кэмерону. Таким образом, бывший премьер-министр неожиданно возвращается в политическую жизнь, покинув её после провала авантюры 2016 года. Тогда он, поверив, что сможет вернуть мятежных евроскептиков своей партии к дисциплине, доверил стратегическое направление развития страны референдуму по вопросу брексита.

Смелость отчаяния

Учитывая угрозу победы лейбористов на следующих выборах, правые таблоиды и газеты, такие как *Daily Mail* и *The Daily Telegraph*, которые ранее поддерживали Бориса Джонсона и Лиз Трасс в противоборстве с Сунаком, выразили сожаление по поводу ухода своего знаменосца Браверман, не отказавшись, однако, от Сунака и не выступив открыто против Кэмерона. Следующие выборы в Великобритании состоятся в конце января 2025 года, и по результатам опросов Лейбористская партия опережает Консервативную как минимум на двадцать пунктов.

Согласно *The Times*, правоцентристской газете, поддерживающей Сунака, но ранее занимавшей благосклонные позиции в отношении «Новых лейбористов» Тони Блэра, премьер был «прав» в своём решении уволить Браверман, в то время как назначение Кэмерона является «смелым». «Большая заслуга этой перестановки, – считает *The Times*, – в том, что она положит конец хаосу». Эта команда «способна продемонстрировать, что правительство снова может быть источником стабильности». Однако газета напоминает и о «дефектах» прошлой внешней политики Кэмерона: «Длительные и кровавые последствия интервенции НАТО в Ливии, неспособность решительно вмешаться в события в раздираемой войной Сирии, наивные объятия с Китаем и, конечно, грандиозный провал его попытки пересмотреть членство Великобритании в ЕС» (14 ноября). Журнал *The Economist* добавляет к этому списку обвинение в том, что политика жёсткой экономии Кэмерона была «радикальным и в значи-

тельной степени неудачным экспериментом», а также обвиняет его в том, что он «покинул свой пост» в то время, «когда мог бы быть наиболее полезен», в «2016–2019 годы напряжённой ситуации вокруг брексита». Если Кэмерон вернётся в правительство, то «во многом» потому, что Сунак «в отчаянии» (18 ноября). С этим соглашается обозреватель *Financial Times* Роберт Шримсли: тот факт, что возвращение Кэмерона «было представлено как возвращение компетентности, демонстрирует, насколько низко пала британская политика» (16 ноября). По мнению газеты Сити, назначение Кэмерона «указывает на стратегический вакуум» (14 ноября).

За негативными комментариями *The Economist* и *Financial Times* можно заподозрить предпочтение победы лейбористов на следующих выборах. Действительно, возглавив лейбористов в 2020 году, Кир Стармер отказался от любых обещаний национализации, маргинализировал левое крыло партии и предложил важные гарантии ответственности правительства в области экономической политики.

Если в смягчённом виде оценку британской прессы можно обобщить как «перестановки во имя смелости отчаяния», то китайская пресса была настроена осторожно оптимистично. *Global Times* утверждает, что Кэмерон может сыграть «конструктивную роль» в налаживании отношений с Пекином. Газета напомнила о «золотом веке» отношений между Великобританией и Китаем, который Кэмерон провозгласил, будучи премьер-министром. Однако *Global Times* не забывает сделать оговорки: «Прежняя прагматичная линия в отношении Китая» может вступить в противоречие со всё более жёсткой линией консерваторов. Кроме того, для британской дипломатии остаётся характерной «последовавшая за брекситом неразбериха». По оценке *Global Times*, с 2019 года применительно к отношениям с Пекином «Великобритания сблизилась с США и отдалась от других европейских держав, пытающихся сохранить свою стратегическую автономию» (15 ноября).

Внутриполитические
отражения войны в Газе

После съезда Консервативной партии в начале октября и выступления короля в начале ноября ожидалось, что следующим действием Сунака станет перетасовка, нацеленная на наведение порядка в преддверии года выборов. Однако эта операция была проведена в весьма специфический момент, когда

«ОСТАНОВИТЕ ЛОДКИ»

По данным Управления национальной статистики, в 2022 году в Великобританию иммигрировали 1,16 млн человек, 79 % из них из стран, не входящих в ЕС. Если вычесть 557 тыс. эмигрантов, то чистая иммиграция составит 606 тыс. человек. Высокий процент неевропейских иммигрантов, объясняет *The Times* в статье от 20 мая, обусловлен системой иммиграции по балльной системе, введённой правительством Бориса Джонсона. Этот механизм гораздо более благоприятен для неевропейцев, чем предыдущий, и позволяет работодателям принимать на работу иностранцев, если они набрали не менее 70 баллов. Среди критериев их начисления – квалификация, знание английского языка, возраст и ожидаемая заработная плата. Заявки на получение подобных рабочих виз одобряются в 96 % случаев. В настоящее время Индия заменила Польшу в качестве основного источника рабочих-иммигрантов.

По данным британского правительства, в 2022 году через Ла-Манш на лодках прибыло 45.755 человек. Это рекордный показатель, на 60 % превышающий аналогичные значения 2021 года. Однако на долю нелегалов, прибывших на лодках, приходится всего 4 % от общего числа иммигрантов в 2022 году. Однако именно на этих 4 % правительство сосредоточило свою антимиграционную кампанию, с помощью которой, ценой тривиальной ксенофобии, оно считает возможным развеять страхи своего электората. Одним из ключевых предвыборных обещаний Сунака было «остановить лодки», но пока ему это не удалось. Более того, 15 ноября Верховный суд признал незаконным план британского правительства по депортации просителей убежища в Руанду.

СУЭЛЛА БРАВЕРМАН: ПОСЛЕДНИЙ ВОШЕДШИЙ ЗАКРЫВАЕТ ДВЕРЬ

Как и Риши Сунак, Суэлла Браверман – дитя волны индийской иммиграции в Великобританию, начавшейся в 1960-х годах. Тогда же началось формирование индийской диаспоры, особенно вследствие движений за независимость в бывших британских колониях Юго-Восточной Африки. Её отец, Кристи Фернандеш, родившийся в Кении, но имевший семейные корни в католическом Гоа, и мать Ума, индуистка-тамилка с Маврикия, приехали в Великобританию в 1960-х годах. Ума была медсестрой в Национальной службе здравоохранения, а Кристи – фабричным рабочим, который неоднократно сталкивался с потерей рабочего места и безработицей. В 1980 году родилась их дочь Сью-Эллен, названная в честь персонажа телесериала «Даллас», к которой позже стали обращаться просто Суэлла. Именно благодаря матери Суэлла с раннего возраста познакомилась с политикой: её мать была избрана в местную администрацию от консерваторов. После завершения обучения на юридическом факультете Квинс-колледжа в Кембридже и Университете Пантеон-Сорбонна в Париже она работала юристом, прежде чем быть избранной от Консервативной партии.

Как и Сунак, Суэлла стала членом Палаты общин в 2015 году. Как и Сунак, в 2016 году она бросила вызов руководству партии, поддержав сторонников выхода во время кампании вокруг брексита. Она вошла в очень евроскептическую консервативную Группу европейских исследований и в 2017 году стала её председателем. Это, безусловно, помогло ей получить должности в правительствах Терезы Мэй, Бориса Джонсона и Лиз Трасс. Каждый раз ей удавалось спрыгнуть с корабля до того, как он шёл ко дну. На личном уровне в 2018 году Суэлла Фернандеш, входящая в буддийскую общину Триратна, стала Суэлой Браверман после брака с Разлом Браверманом, родившимся в ЮАР и эмигрировавшим в Великобританию в подростковом возрасте. Именно в качестве министра внутренних дел в правительстве Сунака, начиная с октября 2022 года, Суэлла стала бесспорным эталоном популистских правых в Консервативной партии.

Её противоречивые, провокационные и жестокие высказывания против иммиграции и мультикультурного общества, а также желание, чтобы Великобритания отказалась от Европейской конвенции по правам человека ради осуществления своей «мечты» – депортации мигрантов в Руанду, могут показаться непонятными, учитывая личную и семейную историю. Отчасти их можно объяснить тем, что она идентифицирует себя как «дочь империи»: Браверман воспринимает Британскую империю по большей части «как силу добра», по отношению к которой её родители, решительно настроенные на приобщение к британской культуре после прибытия в Великобританию, испытывали «истинное восхищение и благодарность». К этому добавляются типичные черты карьеры политического предпринимателя, который, нагнетая страхи, добивается собственного электорального успеха расчётливо, цинично и не гнушаясь оппортунизма.

Суэлла Браверман, уволенная из правительства Сунака, наслаждается ролью мученицы за консервативное «дело» и, похоже, готовится сделать всё возможное, чтобы, будучи депутатом заднескамеечником в парламенте, т. е. не имея правительственных назначений, навредить премьеру. В британской прессе циркулирует версия о том, что её расчёт состоит в том, чтобы представить себя в качестве предпочтительного кандидата правого крыла Тори в случае поражения Консервативной партии на следующих выборах, что вновь открывает гонку за лидерство.

последствия войны в Газе сотрясают внутриполитическую арену. В Лондоне демонстрации в поддержку Палестины собрали гораздо больше людей, чем в других странах Европы.

Формальным поводом для вывода Браверман из правительства стало её не санкционированное премьером выступление в газете *The Times*, в котором она обвинила полицию в более снисходительном отношении к левым демонстрантам, участвующим в «маршах ненависти» в поддержку Палестины, и, напротив, более жёстком отношении к правым демонстрантам. Эти намеренно поляризующие заявления приобрели потенциально подстрекательский характер из-за переплетения внешней и внутренней политики. В порыве конъюнктурной агитации Браверман, похоже, забыла о травматическом прецеденте террористических атак 2005 года на общественном транспорте Лондона в результате которых 52 человека погибли и 700 получили ранения. Заменив её на бывшего министра иностранных дел, Сунак счёл, можно предположить, что в текущий период возросшей международно-турбулентности внутренняя социальная стабильность страны, вероятно, только выиграет от наличия у министра внутренних дел солидных внешнеполитических компетенций. Сэтим аргументом Стармер не мог бы не согласиться, учитывая, что война в Газе спровоцировала бунт в его партии.

Действительно, некоторые лейбористы, особенно те, чьё переизбрание зависит от голосов мусульман в их округах, уже не хотят поддерживать линию

Стармера в отношениях со своими избирателями. Лидер партии неукоснительно следует позиции правительства, поддерживая Израиль и его право на самооборону, но, когда речь заходит о защите палестинцев, он не идёт дальше призывов к гуманитарным «паузам». 15 ноября 56 из 198 депутатов-лейбористов проголосовали за предложение, призывающее к «немедленному прекращению огня». Среди бунтарей, бросивших вызов партийной дисциплине, были и восемь членов теневого кабинета. Вторжение террористов ХАМАС и ответные действия израильских военных становятся ещё более болезненными вопросами для лейбористов, поскольку эти события «сразу же пробуждают воспоминания о внутрипартийной борьбе за власть», – писала *Frankfurter Allgemeine Sonntagszeitung* от 29 октября. За последнее десятилетие «левые и правые [фракции] партии то и дело сталкивались, обвиняя друг друга в антисемитизме». Именно путём обращения к этому вопросу Стармер добился исключения Джереми Корбина из парламентской группы лейбористов в Палате общин.

Таким образом, Сунак увидел во внутриполитическом отражении войны в Газе возможность вооружить своё правительство той серьёзностью, которая, по его мнению, необходима ему, чтобы иметь дело с вызовами кризиса порядка и электоральных запросов. Что касается Стармера, то это проявление кризиса порядка ставит его перед первым партийным кризисом.

Российские хроники

Сжатие проекции Кремля

В 2015 году военная операция в Сирии знаменовала собой возвращение России на Средний Восток в качестве активного игрока, писал редактор социальных медиа Strategic Culture Foundation Антон Беспалов («Валдай», 8.07.2019). Эта констатация сопровождалась надеждами на увеличение роли Москвы в регионе, в том числе в решении палестино-израильского конфликта. 22 ноября 2023 года член Совета по внешней и оборонной политике Фёдор Лукьянов на сайте журнала «Россия в глобальной политике» практически один в один повторил слова Беспалова, сделав при этом существенное уточнение: «Новый этап наступил с началом военной кампании на Украине. Вся российская политика подчинилась цели достигнуть успеха на украинском театре. Прочие сферы рассматриваются сквозь эту призму». В этих условиях линия Москвы на Среднем Востоке, «вероятно, останется достаточно сдержанной».

Изменился и расклад сил. Если Беспалов писал, что «особенностью присутствия России в регионе является её способность выстраивать отношения со всеми сторонами», то Лукьянов с сожалением указывает на то, что «это действительно уникальное свойство жжалось после начала украинского кризиса». Появились «структурные факторы», которые «заведомо ограничили возможности кооперации России и Израиля». Во-первых, «значительное укрепление взаимодействия России и Ирана, необходимое Москве для решения украинских задач». Во-вторых, война в Палестине, которая окончательно зафиксировала «еврейское государство в качестве неотъемлемой части «коллективного Запада»». В этих условиях, продолжает внешнеполитический советник Кремля, «Москве объективно нужно взаимопонимание с той частью мира (большинством), которая сейчас осуждает Израиль и с пониманием относится к палестинцам».

Иными словами, в условиях стратегического шаха пространство для манёвра российского империализма значительно сократилось.

Силы и время
мирового противостояния

Война в Газе, несомненно, обострила региональные противоречия, связав их в сложный клубок, распутывание которого – вне зависимости от воли задействованных в нём средних и крупных держав – может привести к взрыву.

В этих условиях, опять же с оглядкой на Украину, Лукьянов заявляет, что «Москва на руку перенапряжению США» (там же). Ему вторит англо-американский неоконсерватор Нил Фергюсон, пусть и в сослагательном наклонении: возможно, «на встрече в Пекине» Си Цзиньпин и Путин «обсуждали, насколько благоприятны нынешние обстоятельства, когда США заняты одним конфликтом в Восточной Европе и другим на Среднем Востоке» (Bloomberg, 20.11.2023).

Но на встрече в Сан-Франциско, пишет директор Института стран Азии и Африки МГУ Алексей Маслов, лидеры Пекина и Вашингтона попытались «отойти от «красных линий»» (РСМД, 17.11.2023). Старший научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Института международных исследований МГИМО МИД России Иван

Зуенко думает, что на данный момент главное для них «оттягивать [...] отношения от точки невозврата» («Россия в глобальной политике», 20.11.2023). В целом же, как считает научный руководитель Российского совета по международным делам (РСМД) Андрей Кортунов, «Китай выигрывает время, готовясь к неизбежному будущему противостоянию с Америкой и исходя из того, что время работает на Пекин, а не на Вашингтон».

По мнению Кортунова, «на встречах лидеров обсуждать можно всё что угодно. И Украину, и Палестину, и Тайвань, и так далее. Но, для того чтобы добиться какого-то прорыва, нужно иметь козыри для торга». У Байдена же нет «сочной морковки», которую он мог бы предложить в обмен на какие-либо серьёзные уступки со стороны Пекина по любой из указанных проблем. Следовательно, «противостояние Вашингтона и Пекина так или иначе будет продолжаться». Попутно Кортунов выливает ушат холодной воды на тех, кто в Москве «спит и видит, что не сегодня завтра начнётся большая война между Китаем и США». Скорее всего, они «будут разочарованы» («БИЗНЕС Online», 19.11.2023).

В этом можно прочесть убеждение ведущего представителя российской стратегической мысли в том, что украинская авантюра Кремля была стратегическим просчётом. Москва не обладает достаточной критической массой для того, чтобы вызвать потрясения, способные подтолкнуть мир к формированию нового «справедливого» порядка. Для Пекина и Вашингтона, обладающих этим весом, ещё не наступил критический момент. Именно поэтому Пекин преследует Москву от резких шагов.

Не по Сеньке шапка

Изначальный смысл этой русской поговорки, датирующейся примерно XVII веком, заключался в том, что каждому следует воздавать по его заслугам. В те времена они определялись исключительно принадлежностью к знатному роду. Простолыдин Сенька даже при наличии денег не имел права носить расшитый золотом или драгоценными камнями головной убор. Со временем, как это часто бывает не только с народными мудростями, но и с научными понятиями, смысл половицы изменился. Теперь её используют по отношению к человеку, находящемуся не на своём месте.

Каково реальное место российско-го империализма? Каким оно видится из Кремля? Насколько это восприятие соответствует реальности? Создаётся ощущение, что российский правящий класс находится в состоянии специфического когнитивного диссонанса: самовосприятие выше реального веса и значения. Москва ощущает себя одним из центров многополярного мира, но всё более скатывается к роли региональной державы. Украинская авантюра лишь усугубила проблемы Москвы. Тот факт, что Киев находится в ещё более тяжёлой ситуации, ничего не меняет. Даже гипотетическая военная победа не позволит российскому империализму преодолеть состояние стратегического цугцванга.

Куда ни кинь – всюду клин

Эта русская поговорка указывает на безвыходность. Она уходит корнями в передел земли крестьянской общины, в результате которого возникала чере-

дился дефицит кадров в «гражданской экономике».

Та же война и последовавшие за ней западные санкции вызвали массовую эмиграцию. Значительная её часть – это молодые люди с высоким уровнем образования. Ивахнюк обращает внимание на то, что это относится как к «добровольной», так и к «невольной миграции, связанной с осложнением или невозможностью работать в России из-за введённых санкций или перемещением в другие страны международных и иностранных компаний вместе с российским персоналом» (там же). По некоторым оценкам, численность этих эмигрантов достигает 1 млн человек. В связи с тем, что репродуктивного возраста в России достигло малочисленное поколение демографической ямы 1990-х годов, сокращение населения становится неизбежным. Вентилируемый консервативно-православными кругами запрет на аборт его не остановит. Причиной сокращения рождаемости являются не аборт, число которых с 1990 года сократилось в 10 раз, а характерный для обществ империалистической зрелости демографический переход. Российский империализм – это не особая цивилизация, он часть капиталистического мира, с его войнами и кризисами. Именно в этом смысле капитализм – это «цивилизации смерти», которой мы противопоставляем классовую борьбу за коммунизм – «цивилизацию жизни».

«В условиях экономической и политической неопределённости в России», – пишет член Глобальной Ассоциации экспертов по миграционной политике Ирина Ивахнюк, – Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан – основные поставщики дешёвой рабочей силы на российский рынок труда, на которых приходится почти 90 % трудовых мигрантов – ускорили «формирование альтернативных миграционных векторов». Узбекистан заключил соглашения с Южной Кореей (там узбеки уже входят в пятёрку самых многочисленных групп иностранных граждан), Саудовской Аравией, Великобританией, Израилем, готовится соглашение с Японией. Киргизы едут на работу в ту же Южную Корею, а также Турцию, Германию, страны Персидского залива.

Тем временем Китай «целенаправленно ведёт курс на превращение региона постсоветской Центральной Азии в часть своего экономического кластера и создание там производственной площадки по образцу стран Юго-Восточной Азии» (РСМД, 17.11.2023), что в перспективе сократит отток рабочей силы из региона.

И это на фоне того, что в ближайшее десятилетие, по прогнозам экспертов, численность рабочей силы в России может сократиться на 3–5 млн человек. Уже сегодня больше половины занятых старше 40 лет. Дальнейшее повышение пенсионного возраста не решит проблему, поскольку уже сегодня более 6 млн человек являются работающими пенсионерами.

Дух классовой борьбы
против бездушия империализма

Война на Украине привела к увеличению численности армии за счёт мобилизованных и добровольцев, что изъяло из экономики не менее 800 тыс. работников. Кроме того, произошло перераспределение рабочей силы в пользу отраслей военно-промышленного комплекса, что в первую очередь коснулось квалифицированных инженерных и рабочих кадров. Увеличилось число производств, связанных с обеспечением армии продовольствием, обмундированием, горючим. В результате уси-

Ноябрь 2023 г.

Степанов Ю.М.

Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статьёй Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала» (из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Движение Сопротивления и империалистическая конфронтация в Северной Африке

Американцы, высадившиеся в Алжире в ноябре 1942 года, сделали ставку на заключение соглашения с вишистами, но эти попытки провалились, и контроль остался за Шарлем де Голлем. После высадки в Нормандии в июне 1944 года в игру во Франции вступили партизаны, их действия были эффективными, но часто импровизированными, и нацистское отступление сопровождалось свирепой резнёй (Michel H., La guerre de l'ombre, 1970).

Союзники хотели взять столицу путём переговоров с немецким командованием, но Французский комитет национального освобождения (ФКНО), возглавляемый сталинистами, начал восстание, а затем обратился за внешней помощью. Первой в Париж вошла французская танковая дивизия Филиппа Леклерка, которая де Голль телеграфировал: «Поторопитесь, мы не можем позволить себе ещё одну Коммуну».

Приехав в Париж, де Голль сформировал правительство национального единства, включив в него Французскую коммунистическую партию (ФКП). Лидер сталинистов Морис Торез, только что вернувшийся из СССР, где он укрылся в начале конфликта (в 1940 г.), одобрил роспуск партизанских отрядов и выступил против забастовок. Торез считал, что «величие Франции нужно восстановить». Де Голль комментировал: «Это просто политическая тактика? Я не хочу в это углубляться. Достаточно того, что они послужат Франции» (Claudin F., La crise du mouvement communiste, 1972).

Антифашизм и колонии

«Демократические и антифашистские» державы-победительницы поспешили восстановить контроль над своими колониями и разделить колонии проигравших. Хо Ши Мин начал переговоры о независимости Французского Индокитая, но без какой-либо поддержки со стороны социал-демократов и сталинистов. Торез вновь заявил, что он «отнюдь не сторонник ликвидации французского флага в Индокитае». В ноябре 1946 года морская бомбардировка крупного вьетнамского порта в г. Хайфон, унёсшая жизни 6 тыс. человек, положила начало войне за независимость против французов, а затем против американцев, которая продлится 30 лет.

В Алжире, Марокко и Тунисе надежды на национальную независимость были подавлены. Также в марте 1947 года были подавлены демонстрации в поддержку независимости в других французских колониях Сенегале и Мадагаскаре: за беспорядками последовали кровавые массовые убийства, унёсшие жизни 80 тыс. человек.

Забастовка на заводе Renault

Иван Крайпо, ведущий лидер троцкистского IV Интернационала во время войны, реконструировал события, связанные с деятельностью Движения Сопротивления, в двух томах. Введение к первому тому «Contre vents et marées» (1977) предельно ясно: «Историки, со своей стороны, могут рассказывать о годах войны в соответствии с мифом о национальном единстве. Из этой истории исчезает классовая борьба». С этой точки зрения, французы разделились на два лагеря: меньшинство, сотрудничавшее с немцами, и большинство, воевавшее на стороне союзников или возглавлявшее на них свои надежды. Поэтому, «в отличие от Первой мировой войны, не было революционной оппозиции, враждебной к union sacrée и наце-

ленной на превращение империалистической войны в гражданскую».

«Это оскорбительное упрощение, – возмущает Крайпо, – с политикой union sacrée боролись в разных формах внутри самой ФКП (эпизодически), а также несколько групп милитантов – от левых социалистов до «ультралевых», включавших тех, кто объявил себя членами IV Интернационала». «Теперь их история должна быть написана».

Но мы сосредоточимся на эпизоде, реконструированном Крайпо в его втором томе «La libération confisquée: 1944–1947» (1978), – крупной забастовке на заводе Régie Renault в апреле-мае 1947 года, которая произошла, когда Франция уже вышла из войны, но подобный прецедент произошёл и во время парижского восстания. 22 апреля на заводе Renault «по наущению молодого работника UCI 1000 рабочих 6-го отдела решили начать забастовку». Это был Пьер Буа, 25-летний рабочий технического обслуживания, член Интернационалистического коммунистического союза (UCI) – троцкистской группы, руководимой милитантом Барта, из которой родилась Lutte Ouvrière. Поскольку «профсоюз не удовлетворил их требований [существенное увеличение зарплаты, не связанное с производительностью], они избрали забастовочный комитет, [и] за ним немедленно последовали комитеты 18-го отдела, находящегося под влиянием ячейки PCI» (Интернационалистической коммунистической партии – ещё одной троцкистской группы, связанной с IV Интернационалом, членом которой был Крайпо).

Забастовка охватила почти все 30 тыс. сотрудников. ФКП, входящая в правительство национального единства вместе с социалистами и контролирующая ВКТ, осудила «сговор гитлеровцев-троцкистов» с руковод-

ством и американским империализмом и даже возглавила нападения на бастующих.

Однако забастовки продолжились в массовом масштабе, и стачечный комитет пытался распространить борьбу на другие компании, ещё больше «конфликтую» со сталинистами, которые, к тому же, чувствовали себя непринуждённо, когда забастовки выходили за пределы крупного завода. Таким образом, 8 мая ФКП получила большинство на большом собрании и постепенно «восстановила направление движения».

Со своей стороны подчеркнул: этот значительный эпизод рабочей борьбы в Европе, всё ещё находящейся в смутении, демонстрирует, что каждое классовое столкновение всегда должно пониматься и проводиться не только и не столько в отношении его динамики в рамках отдельной корпорации, а должно находить своё место в общей политике, которая является национальной и международной.

«Слабость движения – это слабость его лидеров», – пишет Крайпо, вступая в полемику с троцкистским движением, из которого он затем ушёл, присоединившись к левым социалистам. Мы не будем вдаваться в суть спора, но его наблюдения конкретны: началось столкновение между США и СССР, так называемая «холодная война», и ФКП сначала выступила против забастовки, чтобы не поставить под угрозу своё присутствие в правительстве, а затем стала выяснять причины её проведения, когда компартию исключили из исполнительной власти.

Последствием этого, по мнению Крайпо, было то, что «с того момента, когда ФКП, перейдя в оппозицию, снова поддержала требования рабочих, она нашла контакт с массами. В то же время троцкистское движение, послужившее детонатором борьбы за их права, так и не смогло заставить их перейти на более высокий уровень сознания. Сыграв роль путеводного света, оно оказалось в изоляции».

Резня в Сетифе

Ромен Райнеро в «Storia dell'Algeria» (1959) реконструирует длительную борьбу алжирцев за независимость от Франции. Уже во время первой мировой войны Париж призвал в армию 200 тыс. алжирцев, 50 тыс. из которых погибли, однако «в порядке вещей были дезертирство и побеги». По возвращении с фронта их надежды на автономию и независимость своей страны сразу же жестоко рухнули.

В связи с аналогичным прецедентом, когда в 1942 году в Северной Африке высадились американцы, алжирцев начали призывать во французскую армию, это вылилось в их массовое уклонение. Ферхат Аббас, тогдашний лидер индустристов, 20 декабря направил властям такое послание: «Эта война не является войной за освобождение народов без различия расы или религии. Несмотря на данные ему обещания и принесённые жертвы, коренное население Алжира лишено свобод и основных прав, которыми пользуются другие».

Де Голль послал управлять Алжиром генерала Катру. Последний приказал арестовать Аббаса и заявил: «Необходимое будет сделано в самое подходящее время на основе единства Франции и Ал-

жира, единства, которое представляет собой догму. Франция никогда не согласится на независимость Алжира, который является её неотъемлемой частью».

Райнеро продолжает: после больших празднований 1 мая 1945 года в главных городах Алжира, 8 мая в Сетифе «инспектор французской полиции выстрелил в манифестантов из числа коренного населения во время демонстраций, созванных по случаю победы союзников. Вскоре протест перерос в открытое восстание».

Было объявлено военное положение, «части [Иностранного легиона], находящиеся в боевой готовности», с помощью бронетехники, авиации и даже ВМФ «начали систематические облавы на территории, ставшей ареной националистических волнений. В ходе этой операции было сровнено с землёй 44 деревни. Расстрелы, поджоги и массовые казни подавляли любое сопротивление». Потери, по данным алжирских источников, достигли 45 тыс. человек, к которым следует добавить 4.650 арестов с суровыми приговорами. По мнению Райнеро, «можно сказать, что искра, которая впоследствии привела к восстанию в ноябре 1954 года, родилась в Сетифе».

Ариго Черветто, комментировавший этот текст в статье «Алжирский вопрос и колониалистский оппортунизм французских парламентских левых» (La questione algerina e l'opportunistico colonialista della sinistra parlamentare francese // Prometeo. 1960. Marzo. No 1), отмечал, что линия правительства была молчаливо одобрена входившими в него социалистами и сталинистами, которым «даже не хватило совести покинуть правительство», когда была совершена резня.

По мнению Черветто, «в Сетифе завершилась постыдная глава оппортунизма французской левой, сознательно разделяющей ответственность за колониалистскую политику ФКНО и первого правительства Де Голля. Сетиф не был импровизированной «атомной бомбой», даже если в результате преступления установилось трагическое «побратимство» с Хиросимой и Нагасаки; Лос-Аламос и Сетиф ведут своё начало от Народного фронта и ФКНО»¹.

Lotta comunista, июль – август 2023 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. В 2 т. Т. 1. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 322.

Хроники Шёлкового пути

Пекин преследует Вашингтон в Газе

Война и дипломатия – две неразделимые стороны империализма – играют в пятнашки на Среднем Востоке. *New York Times* от 22 сентября пишет, что Соединённые Штаты «обсуждали условия договора коллективной безопасности с Саудовской Аравией» по образцу «военных пактов с Японией и Южной Кореей» в обмен на нормализацию отношений между Эр-Риядом и Тель-Авивом. Помимо этого, Эр-Рияд просил американского содействия в мирной ядерной программе, «которая, согласно опасениям некоторых функционеров, может быть прикрытием военной ядерной программы для противодействия Ирану». Последние несколько месяцев Белый дом докладывал об этом наиболее влиятельным сенаторам, поскольку ратификация договоров требует квалифицированного большинства в Сенате. *Wall Street Journal* от 7 октября пишет, что администрация рассчитывала заключить соглашение «в течение ближайших шести месяцев»: уже были «полностью оговорены очертания» трёх частей договора, начинались детали обсуждения. Так обстояли дела в Вашингтоне перед террористической атакой ХАМАС на Израиль и израильским возмездием с новой бойней в Газе. А что в Пекине?

У Бинбин, декан Института арабской исламской культуры в Пекинском университете и член Института международных и стратегических исследований под руководством Ван Цзыси, в своё время верно предвосхитил постепенные шаги Дракона на Среднем Востоке в игре баланса с присутствием США (см. Обуславливающая связь Пекина между Китайским морем и ближневосточным равновесием // Вестник «Интернационалист». № 3, октябрь 2012). В прошлом декабре У предвидел китайское посредничество в переговорах между Ираном и Саудовской Аравией. В одной из своих августовских статей в журнале «Вэнхуа Цзунхэн» он возвращается к установке десятилетней давности и развивает её. Статья написана до начала войны, но как раз поэтому и полезна для реконструкции рамок китайского видения.

Китайская архитектура на Среднем Востоке

У пишет, что внешняя политика на Среднем Востоке претерпевает постоянные изменения. В 1980-е годы Китай действовал *тихой сапой* и в регионе занял позицию «общей отстранённости и умеренного участия». Зона была «слишком сложной и полной противоречий, и опрометчивое участие не только было бы трудным, но и могло завести в болото». Изначально Пекин рассматривал регион как «продолжение своей периферии», поскольку ситуация на Среднем Востоке влияла на его соседей в Южной и Центральной Азии и на стабильность западных провинций. Эта позиция эволюционировала в начале XXI века в ответ на войны в Афганистане и Ираке, которые ставили под вопрос энергетические поставки для Дракона. Это всё ещё была реактивная дипломатия, отвечающая на региональные трения и инициативу Штатов. Сегодня, наоборот, как отмечает У, регион Персидско-

го залива и Средний Восток становятся «приоритетным направлением для китайской дипломатии».

С открытием Шёлкового пути отношения поднялись на новый уровень. То обстоятельство, что Пекин предлагает «новую архитектуру безопасности для Среднего Востока», знаменует радикальную смену подхода. Китай всегда подерживал «политическое решение» «горячих вопросов» Среднего Востока, «но это был принцип, установка». «Новая архитектура» означает, что Китай «начал предоставлять оперативные планы».

Двойная американская и китайская корректировка

Другая сторона трансформации заключается в отношении к американской позиции. Августовская статья комментировала «историческое примирение» между Ираном и Саудовской Аравией при посредничестве Пекина, но также подталкиваемое «стратегическим сжатием» Соединённых Штатов. У предупреждает: нужно шаг за шагом внимательно следить за сменой американской позиции в связи как с обязательствами США в Европе и Индо-Пацифике, так и невозможностью для Вашингтона действительно уйти из региона. Мы можем заметить, что готовность США развернуть политические ресурсы и энергию в кризисе в Газе подтверждает этот тезис.

По мнению автора, на карте региона выделяются три центра силы. Иран, обладающий системой союзов, включающей Сирию, Ирак, Ливан и Йемен, установил особые отношения с Китаем, но не исключает торга с Соединёнными Штатами; Турция и Катар поддерживают свою сеть влияния через «современное суннитское мусульманское движение»; наконец, Израиль и ОАЭ участвуют в «системе союзов» Соглашений Авраама, к которым США подталкивают Саудовскую Аравию. Однако именно Эр-Рияд диверсифицировал свои внешние связи, став вторым столпом китайской политики в регионе Персидского залива в треугольнике с Вашингтоном. У обращает внимание на «две основных горячих точки» на пересечении региональных динамик и динамики китайско-американской: ирано-саудовское стратегическое соперничество и «палестинский вопрос», значимость которого, как он считает, Вашингтон и Тель-Авив недооценивают.

Пекин тоже ухватился за национальный повод

С одной стороны, под китайским давлением Шёлкового пути «реализация новых концептов развития требует мирной внешней атмосферы», и это может заставить арабские страны Персидского залива во главе с Саудовской Аравией вступить в переговоры с Ираном в Пекине. Однако, «в отличие от мирного тренда, заданного ирано-саудовским примирением, палестинский вопрос, похоже, остаётся в стороне», хотя всегда являлся «центральным» в региональном противостоянии. Мы можем отметить, что использование палестинского национального вопроса всеми державами является законом, а теперь за него ухватился и Китай.

С точки зрения У, политической целью Израиля является развитие отношений с арабскими странами, чтобы «изолировать палестинский вопрос», но в этом он столкнулся с недалёковидной линией США. Соглашения, которым покровительствовали Штаты, были нацелены на сдерживание влияния Ирана и Турции, но оставляли разлом именно в Палестине. Правительство Нетаньяху удалялось от «решения в виде создания двух государств», оставляя пространство религиозной крайне правой, и в то же время ширился внутripалестинский раскол между районом на западном берегу реки Иордан, контролируемым Палестинской национальной администрацией, и Газой, управляемой ХАМАС. В этих условиях «ХАМАС начало восстанавливать отношения с Ираном», впуская через окно то, что, как считалось, должно было выйти через дверь.

Вместо этого была выдвинута китайская инициатива, которая выступала в качестве защитной по отношению к американской и могла, если угодно, дополнять её. Идея Пекина создать «независимое палестинское государство» была основана, с одной стороны, на предложении «облегчить серьёзные трудности палестинской экономики», а с другой – на переговорах со «всеми странами и политическими силами, которые имеют здесь влияния», «в том числе с Ираном». Это второй шаг на прокладываемом Пекином пути «великого примирения» на Среднем Востоке в противовес защите, предлагаемой находящимися в упадке Соединёнными Штатами. В среднесрочной перспективе, как считают некоторые в Пекине, начнётся соревнование за новую архитектуру безопасности.

Войны и сражения кризиса порядка

Чжан Вэйвэй, ректор Института Китая в шанхайском Университете Фудань, выступил на Сяншаньском форуме по безопасности в Пекине. По его словам, если старые державы не одобряют китайские предложения, Китай возьмёт инициативу на себя. На форуме Пекин продемонстрировал, что способен заставить вести диалог делегации Ирана и Израиля. Важно, чтобы Китай активно работал над текущим военным кризисом на Среднем Востоке, открыто связывая его с кризисом мирового порядка. Чжан утверждает, что «международный порядок, где господствует Запад, является ненадёжным, нестабильным и рухнет, поэтому произошли [...] как минимум два крупных геополитических кризиса: в Европе и на Среднем Востоке». На форуме обсуждались «горячие точки» «модернизации порядка».

Дракон выдвигает себя на роль миротворца в фактической конвергенции с Вашингтоном, чтобы пока избежать крупной войны, однако китайское предложение обусловлено требованием новых балансов по всем направлениям; действительно, Пекин – на переговорах на высшем уровне с Вашингтоном – не отказывается от того, чтобы связать сотрудничество на Среднем Востоке со стратегическими точками в Южно- и Восточно-Китайском морях, переплетая между собой войны,

сражения и точки напряжённости кризиса порядка. Даже если Вашингтон согласится на конкурентную кооперацию с Китаем в регионе Персидского залива, он должен будет признать его глобальное влияние. Дракон разыгрывает свои политические карты вдоль энергетической артерии.

Цинизм всех буржуазий

Такова настоящая ставка в так называемом «великом примирении» – на переговорах между Тегераном и Эр-Риядом, которым покровительствовал Пекин, на переговорах между Тель-Авивом и Эр-Риядом, которые попытался осуществить Вашингтон, и на переговорах между Тель-Авивом и Тегераном, обсуждавшихся в Пекине. Происходит переопределение региональных взаимоотношений под воздействием глобальных трансформаций, вызванных китайским восхождением. У Сайк, ранее специальный посланник Китая на Среднем Востоке, посол в Саудовской Аравии и Египте, участвовал в переговорах по поводу установления дипломатических отношений между Китаем и Израилем в 1990-е годы. Он пишет, что из-за войны в Газе «великому примирению [...] наносится серьёзный урон», но «не всё потеряно».

Арабские страны будут более осторожно вести дела с Израилем, однако Эр-Рияд поставил на паузу, но не отменил, продвигаемое США сближение с Тель-Авивом. Тем временем Тегеран посредством региональных клиентов и визита Ибрахима Раиси в Эр-Рияд по случаю совместного саммита ЛАГ и ОИС демонстрирует желание сесть за стол переговоров, а не перевернуть его. Пекин явно поддерживал ирано-саудовские переговоры. США и, как ни парадоксально, ЕС восстанавливают свои позиции по иранскому кейсу. У полагает, что продвижение скорейшего окончания конфликта в Газе зависит от США; Китай поддержит созыв «международной конференции», которая задокументирует вовлечённость Дракона в регионе.

Тем не менее в духе жёсткого реализма китайский дипломат констатирует, что «Израиль ещё не закончил вымещать свою злобу» при значительном молчании региональных держав. Египет «в основном ограничивается ролью посредника», Сирия – «важная сила в регионе, но на данный момент она занимает оборонительную позицию и не будет участвовать в разрешении вопроса», Иордания – «ещё меньше». Также и «Хезболла в Ливане дала несколько ответов, но экспансия маловероятна»; наконец, «пусть Иран и выразил свою поддержку ХАМАС, но на данный момент его интервенция невозможна». В остальное сдерживание, чтобы избежать вовлечения других стран в войну», тем самым обеспечивая прикрытия израильской операции.

Ужас на Среднем Востоке становится частью игры держав, в том числе Китая. Это доказательство того, что арабскому и израильскому пролетариату остаётся единственный путь – интернационализм.

Издательская новинка

Глобальные кризисы, европейская

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Николы Капеллуто *“Crisi del debito e crisi dell’ordine”*.

Мервин Кинг [бывший управляющий Банка Англии] заглядывает за пределы «тумана войны» и погружается, даже в мирное время, в туман неопределённости: «В мире радикальной неопределённости нет способа определить вероятность будущих событий. [...] Экономические отношения между деньгами, доходом, сбережениями и процентными ставками непредсказуемы несмотря на то, что они являются результатом попыток рациональных индивидов ориентироваться в неопределённом контексте». Под «радикальной неопределённостью» Кинг и [экономист Джон] Кей подразумевают не только события, которые другие экономисты называют «чёрными лебедями», то есть «неожиданные события, которые нельзя предвидеть, пока они не произойдут», но расширяют рамки, включая в это определение всё, что, по их словам, находится между «миром маловероятных событий» и «миром невозможного», а также многое другое. Они распространяют «последствия радикальной неопределённости далеко за пределы финансовых рынков – на индивидуальные и коллективные решения, как экономические, так и политические, и на решения глобального значения, принимаемые государственными деятелями, вплоть до повседневных решений читателей этой книги».

Бывшему председателю Федеральной резервной системы Алану Гринспену было проще, когда в октябре 2008 года он признался комитету Палаты представителей в травмирующем открытии того, что система, в которую он непоколебимо верил, то есть свободная игра рыночных сил, имеет недостаток «в модели, которую я воспринимал как критическую структуру механизма, определяющего, как устроен мир. [...] Именно поэтому я был шокирован, ведь я работал в течение сорока или более лет с очень чёткими доказательствами того, что это работало исключительно хорошо».

В период кризиса буржуазная экономическая теория вынуждена отказываться от безграничного оптимизма и претензий на рациональность капи-

талистического способа производства. Она вынуждена заново открывать для себя неопределённость. Джон Мейнард Кейнс сделал это в 1936 году в одной из глав своей «Общей теории занятости, процента и денег». Джон Кеннет Гэлбрейт посвятил этому феномену целую книгу «Эпоха неопределённости», вышедшую между двумя нефтяными кризисами и в разгар кризиса реструктуризации 1970-х гг. Буржуазные теории неопределённости возникают из кризисов правящего класса и сочетаются с политикой государственного вмешательства в экономику и с различными вариантами государственного капитализма. Иногда, как в 1930-е годы, капитал следует этому статистическому и протекционистскому курсу, иногда нет, например, в 1970-е годы результатом кризиса стал империалистический либеризм.

Теория всеобщей неопределённости Мервина Кинга, в которой исчезает в том числе и провиденциальная «невидимая рука» Адама Смита, выражает психологию разочарованного и дезориентированного либериста, но тезис о хаотической природе процесса служит экономисту для постулирования невесомости кризиса, независимо от того, вызван ли последний внешними коллизиями или может быть воспринят как отказ двигателя капитализма; марксистская же наука видит, что через хаос бесконечных «индивидуальных и коллективных решений» проявляются непримиримые противоречия капитала, в которых инкубируется «историческая регулярность кризисов»¹.

Кинг указывает в качестве первого столпа своего мировоззрения идею о том, что экономика и финансы «не подчиняются непреложным научным законам». Марксизм, напротив, рассматривает капиталистическое общество как живой организм, биологический процесс, подчиняющийся познаваемым законам движения, формы и динамика которого в разных регионах мира задаются разными историческими условиями. Закон неравномерности развития универсален и постоянно порождает дисбалансы, диспропорции и разрывы.

Маркс и Энгельс материалистически распутали отношения между «экономическим законом» и «хаосом» в капиталистическом способе производства. В письме Людвигу Кугельману Маркс утверждал: «Вульгарный экономист не имеет ни малейшего представления о том, что действительные, обиденные отношения обмена и величины стоимости не могут быть непосредственно тождественными. Вся соль буржуазного общества состоит как раз в том, что в нём а priori не существует никакого сознательного общественного регулирования производства. Разумное и естественно необходимое прокладывает себе путь лишь как слепо действующее среднее»².

Энгельс снова поднял эту тему более двадцати лет спустя в письме Йозефу Блоху: «[История] делается таким образом, что конечный результат всегда получается от столкновений множества отдельных волей, причём каждая из этих волей становится тем, что она есть, опять-таки благодаря массе особых жизненных обстоятельств. Таким образом, имеется бесконечное количество перекрещивающихся сил, бесконечная группа параллелограммов сил и из этого перекрещивания выходит одна равнодействующая – историческое событие. Этот результат можно

опять-таки рассматривать как продукт одной силы, действующей как целое, бессознательно и безвольно. [...] Таким образом, история, как она шла до сих пор, протекает подобно природному процессу и подчинена, в сущности, тем же самым законам движения»³.

Каждый период кризиса отличается от других. Рассмотрим отрезок времени начиная с конца первого десятилетия XXI века. Он начался с краха Уолл-Стрит в сентябре 2008 года и глобальной рецессии 2009 года, второе его десятилетие прошло через слабый рост в «развитых» странах, воспринятый частью представителей истеблишмента как «вековая стагнация», и весьма значительные сдвиги в отношениях держав, что на заре третьего десятилетия привело к серии крупномасштабных потрясений; в 2020 году пандемия столетия вызвала новую, более смертоносную и всеобъемлющую глобальную рецессию, чем в 2009-м; этот катаклизм детерминировал лихорадочное вмешательство государств в экономику и, поскольку он парализовал большую часть производственного, материально-технического и административного аппарата, породил острый инфляционный кризис, не наблюдавшийся уже около сорока лет; это спровоцировало неизбежную реакцию крупных центральных банков, которые, чтобы подавить инфляцию, быстро повысили процентные ставки после многих лет нулевых ставок; в феврале 2022 года вторжение России на Украину, задуманное как лёгкое завоевание третьесортной страны, обернулось войной с десятками тысяч смертей, в которую так или иначе вмешиваются все империалистические и различные региональные державы. Война вернулась в Европу с далеко идущими последствиями: усилением инфляции, расширением государственного интервенционизма, переосмыслением отношений внутри и за пределами альянсов и всеобщей гонкой перевооружения, в то время как конфликт между Соединёнными Штатами и Китаем затягивается, а стремление старушки Европы к стратегическому суверенитету угасает.

Вероятно, это период с наибольшей частотой, интенсивностью и разнообразием землетрясений за всё послевоенное время. Перевооружения, которые следуют один за другим и одновременно, но в разной степени, затрагивают все метрополии империализма, знаменуют эпилог послевоенного порядка.

Мелкобуржуазная нетерпимость к глобализации и либеризму привела к гневной совраиристской и популистской истерии, которая, став правительственной силой в Соединённом Королевстве и США, привела к пагубным последствиям, дисбалансам и вакууму власти не только в международных отношениях, но и в обычном управлении государством.

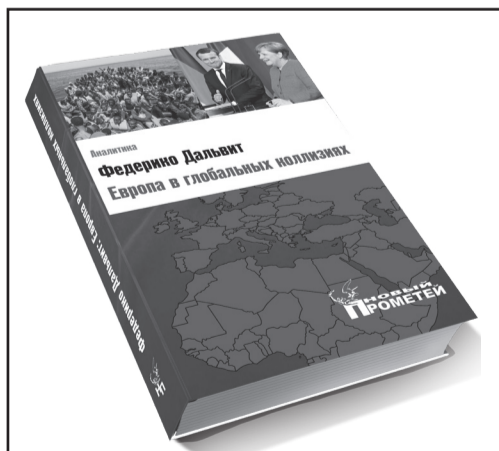
«Гуманитарные» и прокси-войны на Большом Среднем Востоке, в Средиземноморье, в Восточной Европе, в Африке и Азии стали школами протагонизма для «развивающихся» региональных держав, которые, однако, на всех широтах подкрепляют свою националистическую риторику поддержкой одного или нескольких империалистических блоков. Трения с высоким риском эскалации материализуются на морских и сухопутных границах Большого Китая, где нахо-

дится стратегический центр тяжести конфликтов ближайшего будущего.

Война разорвала историческую энергетическую связь между Россией и Германией, которой удалось выдержать даже атаки рейгановской Америки на сибирский газопровод. Острое стратегическое соперничество между великими державами усугубляет фрагментацию отношений, регулируемых общими правилами, ставя под угрозу функциональность одного из краеугольных камней многосторонности и Вашингтонского консенсуса – Всемирной торговой организации (ВТО). Соединённые Штаты оказывают давление на своих союзников и собственные транснациональные корпорации, чтобы те ослабили торговые и инвестиционные отношения с Китаем, построенные за последние тридцать лет. После десятилетия поддержки другой иллюзии, либеристской, о том, что взаимозависимость экономик и народов является основой безопасности, утвердилась доктрина, согласно которой в международных отношениях национальная безопасность должна преобладать над экономической эффективностью. Прочёт Москвы на Украине (ошибка, которая хуже преступления, согласно поговорке XIX века) создал возможность параллельной экономической войны Соединённых Штатов против Германии, индустриального двигателя Европы, с намерением лишить её дешёвого российского газа в разгар энергетического перехода, а также против Китая с целью задушить его рынок сбыта и инвестиций, то есть унитаристской экономической войны против главного атлантистского партнёра и конкурента в старушке Европе и против находящегося на подъёме соперника в лице азиатского гиганта.

В этом цикле периоды «тупика» «развитых» экономик чередовались с неуверенным восстановлением, кратковременным ускорением и длительным спадом. Глобализация торговли и потоков капитала испытывала замедления и неудачи. Даже в большей степени, чем во время нефтяных потрясений 1970-х годов, самые «богатые» страны, купающиеся в роскоши метрополии, возможно, достигли осознания того, что они больше не застрахованы от крупных экономических, санитарных и военных кризисов. Запуск вместе с Парижскими климатическими соглашениями 2015 года нового многолетнего цикла колоссальных инвестиций во имя борьбы с климатическим кризисом лишь ободрил империалистическую конкуренцию. Эту конкурентную борьбу метрополии ведут путём протекционистских субсидий внутри своих национальных производств и охоты за сырьём, металлами и минералами, необходимыми для энергетической реструктуризации и электрификации транспорта, на мировом рынке. Военные перевороты, которые один за другим следуют в Африке, направлены на новый передел ренты от добычи полезных ископаемых.

В определённой степени мы видим воспроизведение некоторых черт цикла реструктуризации 1970-х гг., обозначенных Арриго Черветто: «[Всё] более хаотическое, асимметричное, непропорциональное развитие как всего капиталистического цикла, так и его составляющих», которое «всё больше дробится во внезапных поворотах и замедлениях на свои различные компоненты»⁴. Но преднамеренные и непреднамеренные результаты этих двух циклов противоположны: в результате борьбы за

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник, библиография, хронология, указатель периодических изданий и СМИ, карты.
ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

ВОЙНА И НЕРАВНОМЕРНОЕ РАЗВИТИЕ

реструктуризацию 1970-х гг., особенно в Германии, возник либеристский импульс, который в течение полутора десятилетий укрепил Европу, демонтировал государственно-капиталистические системы в её восточной части, объединил Германию, инициировал создание Экономического и валютного союза и запустил ракету восхождения Китая; в текущем же цикле падения в рецессию стали глубже, а кризисы возродили унилатерализм США и вызвали появление некоторых протекционистских тенденций, связанных не столько с классическими тарифными барьерами, сколько с преференциальными двусторонними или многосторонними соглашениями, запретами на экспорт высоких технологий, сырьё или инвестиции в конкурирующие страны; протекционистскими мерами, учитывающими географическое происхождение компонентов, технических стандартов; распространением дискриминационных субсидий на собственные отрасли и потребителей. Укрепляется тенденция к образованию блоков между «дружественными» странами.

Миграционные движения, порождённые конфликтами, гражданскими войнами, подавленными восстаниями, распадом архаичных социальных форм, засухой и продовольственными кризисами, уже не являются сезонными, а становятся долговременным явлением, которые сотрясают рынки труда – как в странах-реципиентах, так и в странах-донорах – и не прекращаются, несмотря на цинизм правительств, которые хотели бы подвергнуть их испытанию морями или пустынями.

В попытках смягчить разрушительные последствия кризиса и вновь запустить двигатели инвестиций или положить конец электоральным восстаниям собственнических прослоек были накоплены долги, исчисляемые триллионами долларов. После тридцати лет либеризма и стремления к «минимальному государству» вновь возникает призрак нового большого правительства, нового государственного капитализма, который приветствует просьбы о защите, стремится мобилизовать денежный капитал, напуганный серией кризисов, и пытается оседлать цикл промышленной политики, нацеленной на переход к «чистой энергетике», электрическую моторизацию, цифровизацию производственных процессов и государственного управления. Небрежно говорится о *реиндустриализации*, но в истории капитализма настоящие реиндустриализации наблюдались только после разрушительных крупных войн. Украинская война уже направляет большую часть нового интервенционизма государств на перевооружение, в то время как обществу ежедневно внушается воинственная риторика «защиты родины» или «справедливой войны».

За последние пятнадцать лет замедление темпов роста было резким и неравномерным. По данным МВФ, средние темпы роста ВВП по паритету покупательной способности (ППС) за весь рассматриваемый период (2008–2022 гг.) составили 3,1 % в год, что более чем на 1 процентный пункт ниже среднего темпа роста ВВП (4,2 %) за предыдущее десятилетие (1998–2007 гг.). При пересчёте по постоянным обменным курсам, проведённом Всемирным банком, эти два показателя снижаются до 2,6 и 3,6 % соответственно. В «развитых» странах в эти два периода среднегодовые темпы ро-

ста ВВП по ППС составили 1,4 и 2,7 % соответственно; в «развивающихся» странах – 4,5 и 5,8 %. В обеих группах рост экономик замедлился, но в «развитых» странах примерно на половину, а в «развивающихся» – на четверть.

Во время длительного спада одним из проявлений неопределённости в старых метрополиях стали частые колебания прогнозов между рецессией и восстановлением экономики. Когда в годы, последовавшие за финансовым кризисом, долговой кризис продлил упадок сил «развитых» экономик, особенно в Европе, некоторые экономисты полагали, что их темпы роста окончательно снизились с 3 до 2 %. Так, летом 2011 года Билл Гросс, основатель финансовой группы Pimco, указал на «*патовую ситуацию*», которая, как он считал, выдаёт «*неспособность буржуазии вести себя в соответствии с исторической капиталистической моделью*». Кеннет Рогофф в то время считал, что определение кризиса как «*великой рецессии*» неверно, и утверждал, что это был «*второй великий спад*» капитализма, сравнимый с депрессией 1930-х годов. Нарастала тревога по поводу неминуемого скатывания к дефляции в японском стиле, «*японизации*» Запада. Это были тезисы, которые предвосхитили теорию «*вековой стагнации*», сформулированную Ларри Саммерсом в 2013 году, и проиллюстрировали состояние умов в среде буржуазии, занятой в тот момент, как и во многие последующие, взыванием к субсидиям и протекционизму. Идеологический кризис либеризма серьёзно препятствовал новым инвестициям и поддерживал «*предпочтение ликвидности*», представленной депозитами на триллионы долларов коммерческих и инвестиционных банков и запертой в сейфах центральных банков. Более далеко идущим тогда казалось наблюдение лауреата Нобелевской премии по экономике Майкла Спенса: он рассматривал темпы роста «развитых» стран, снизившиеся до 1,5 %, как результат «*векового процесса*» их конвергенции с «развивающимися» странами, которые продвигались вверх по цепочке создания стоимости, приобретая продукцию с высокой добавленной стоимостью, в «*постоянном, необратимом*» изменении. [...]

Такое сочетание асимметрии и взаимозависимости было провидением для западных экономик. После рецессии 2009 года и из-за резкого снижения внутреннего спроса в «развитых» странах «развивающиеся» экономики не смогли поддерживать темпы экспорта, но консолидировали свои внутренние рынки и, прежде всего, сохраняли их открытыми, отдавая предпочтение экспорту из «развитых» стран. Это основная причина, почему рецессия в западных метрополиях привела не к депрессии, которой опасались, а к замедлению экономического роста. Решающую роль «развивающихся» стран подтверждают некоторые цифры.

В период с 2008 по 2014 год внутриевропейская торговля не увеличилась, но Европа продемонстрировала рост экспорта в остальной мир (+4,5 %), прежде всего благодаря росту экспорта в Азию (+41 %), обусловленному в основном увеличением экспорта в Китай (+92 %). Экспорт США в Европу и Японию стагнирует; с другой стороны, их экспорт в Северную Америку увеличился, прежде всего, благодаря увеличению импорта Мексики (+59 %), младшего партнёра по соглашению НАФТА, а экспорт в Азию вырос на 33 %, благодаря открытию Китая

(+77 %). Империалистический либеризм в годы кризиса поддерживался «развивающимися» странами.

Неравномерное империалистическое развитие привело к эпохальному изменению пропорций экономического баланса сил и политического баланса между государствами. По данным МВФ, в 1998 году на «развитые» страны приходилось 57 % ВВП по ППС, а на «развивающиеся» страны – 43 %. В 2022 году пропорция перевернулась: эти доли составили соответственно 42 и 58 %. По данным базы данных МВФ, «развивающиеся» страны обогнали «развитые» в начале 2008 года; по версии статистических отчётов «*World Economic Outlook*» – в 2013-ом. Эта деталь имеет значение при оценке относительного веса либеристского курса, с одной стороны, и шока глобального кризиса, приведшего к ускорению Азии, с другой.

Согласно версии, которая господствует в США и набирает силу в Европе, «*наивный либеризм*» Запада предоставил чрезмерные преимущества восходящему китайскому гиганту. На самом деле в истории последней четверти XX века мы наблюдали сочетание либеризма и кризиса. Либеристские линии монетаризма и политики предложения (*supply side*) были результатом кризиса реструктуризации и кризиса кейнсианства. Либеристская стратегия *Вашингтонского консенсуса* сформировалась во время распада Восточной Европы и СССР и была решительно реализована во время азиатского кризиса 1997–1998 годов. Это был не *наивный либеризм*, а жажда живой прибавочной стоимости. Путь для стратегии империалистического либеризма проложили относительный упадок Соединённых Штатов и прогрессирующее опустение оболочки социал-демократического реформизма.

Либеризм, несомненно, ускорил восхождение новых держав. Между 1980 и 1991 годами их доля в ВВП оставалась на уровне 37 %; в следующие семь лет она выросла до 43 %, и они не остановились на достигнутом. За три года, на которые мы ссылаемся (1998, 2008, 2022), доля США в ВВП по ППС упала с 20,2 до 17,5 и 15,6 %; Европейский союз следовал за Америкой в этом движении назад, упав с 20,5 до 17,4 и 14,9 %; Китай занял первое место, поднявшись с 6,7 до 11,4 и 18,5 %. За первые двадцать лет XXI века он обогнал одну за другой все старые метрополии (Великобританию, Германию, Японию, Европу и США), набрав 12 процентных пунктов ВВП, что соответствует трём четвертям совокупного роста всех «развивающихся» экономик.

Торговый баланс сил в целом следовал за траекторией роста ВВП. По данным ВТО, доля Европейского союза (27 стран), являющегося ведущим мировым экспортёром, в мировой торговле сократилась (в стоимостном выражении и за вычетом внутриевропейского экспорта) с 18,8 % в 1998 г. до 15,8 % в 2008-ом и 13,2 % в 2022 г., уступив первое место Китаю, доля которого скачкообразно выросла с 4,6 до 11,8, и 17,8 % соответственно. Для США этот показатель упал с 16,4 % в 1999 году до 10,6 % в 2008-м, а затем затормозил падение до 10,1 % в 2022 году.

Новые пропорции являются беспрецедентными с точки зрения размера и скорости движения и подчёркивают недостаточность такого определения, как «*развивающиеся страны*». Изменение баланса сил имеет гораздо большее значение, чем просто экономическое, – оно политическое и стратегическое. «Развивающиеся» экономики способствуют

утверждению многополярности и высказывают претензии на то, чтобы сделать Бреттон-Вудские учреждения многосторонними. Как мы писали с начала 2000-х годов, в Китае развились все характеристики империализма, указанные Лениным, и именно эта страна является абсолютным протагонистом наблюдаемых изменений. Двенадцать «развивающихся» экономик, включённых в Большую двадцатку наряду с державами Большой семёрки, теперь полностью *всплыли на поверхность* в качестве средних капиталистических или региональных держав. Некоторые стремятся повысить свой статус, присоединяясь к коалициям, например, Саудовская Аравия, которая расширила ОПЕК до партнёрства с Россией в рамках ОПЕК+; другие, такие как Австралия или Южная Корея, становятся частью стратегических коалиций под руководством США в Тихом океане; Турция пытается играть связующую роль между НАТО, Россией и Украиной и вмешивалась военными средствами в недавние крупнейшие конфликты в Средиземноморье. Саммит БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) в этом году призвал к увеличению веса квот этих стран в МВФ, предоставлению им большей роли в руководстве Бреттон-Вудскими институтами и включению Бразилии, Индии и Южной Африки в Совет безопасности ООН. Требование «*восстановить первостепенную роль квот в МВФ*», похоже, означает претензию на отмену или ограничение права вето США. БРИКС хочет стать точкой опоры для других «развивающихся» стран. Аргентина, Египет, Эфиопия, Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ присоединятся к БРИКС с января следующего года, а Бангладеш, Египет и ОАЭ уже приняты в качестве новых членов банка группы инфраструктурного финансирования – Нового банка развития (НБР).

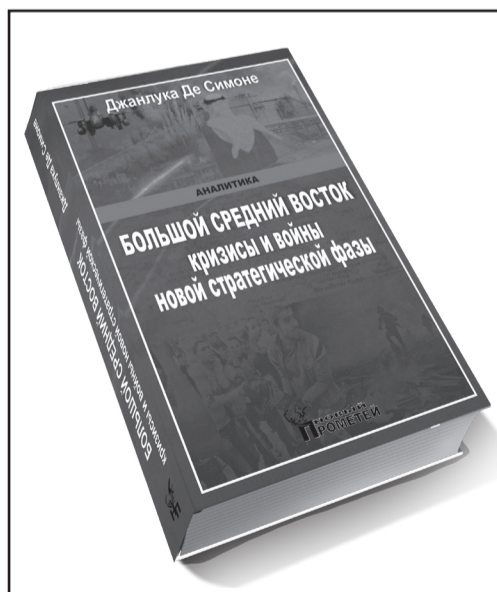
Lotta comunista, октябрь 2023 г.

1 – Черветто А. Унитарный империализм. Т. 2. Киров: Марксистская наука, 2005. С. 519.

2 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 461.

3 – Там же. Т. 37. С. 395, 396.

4 – Черветто А. Указ соч. С. 521.

Джанлука Де Симоне
Большой Средний Восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.

Крупные группы в Китае

Немецкие корни китайской химии

Химическая промышленность – одна из крупнейших в мире, и этим она обязана разнообразию своих продуктов, потребляемых во всех областях. Синтетические волокна, пестициды, удобрения, лекарства, красители и моющие средства всего лишь некоторые из наиболее распространённых продуктов. Но к химической промышленности в строгом смысле добавляется ещё и производство пластмасс и резин, а также нефтехимия, включая всю деятельность, направленную на изучение добычи нефти и газа, их очистку и производство основных продуктов переработки. Это галактика секторов настолько обширна и переплетена с другими, что в мировой статистике достигает половины всей добавленной стоимости.

Вторжение Китая

Азия уже является регионом с самым большим химическим рынком, и Китай становится мировым центром химической промышленности. Европейский совет по химической промышленности (CEFIC) докладывает, что в 2020 году продажи химической отрасли в Китае составили более 44 % от общемировых.

Химическая промышленность использует огромное количество ископаемого топлива и потребляет 12 % мировой нефти. Рафаэль Каюэла Валенсия, главный экономист и директор Dow Chemical, в своей книге «Будущее химической промышленности к 2050 году» (Wiley-VCH, 2013), ожидает, что «экологический» переход «окажет огромное влияние на сырьё, используемое в промышленности». По его мнению, Китай обладает самыми большими запасами сланцевого газа в мире и «будет двигаться в сторону газа», как источника для производства энергии, так и для снабжения химической промышленности. С другой стороны, Соединённые Штаты уже совершили прыжок в этом направлении: «Компании, которые оказываются не в состоянии справиться с требованиями сокращения выброса углекислого газа, станут неконкурентоспособными, теряя долю рынка, прибыли и рискуя оказаться вытесненными с него». Поэтому и панорама крупных групп китайской химической промышленности носит предварительный характер.

Восхождение китайских компаний

В то время как китайская химическая промышленность запаздывала в выдвижении своих чемпионов на мировой арене, влияние множества международных японских, американских и европейских групп в Китае было велико. С первых лет прошлого века там обосновались американские DuPont и NACO, швейцарская CIBA, английская ICI и немецкие BASF, Hoechst и Bayer. Майкл Грабики в книге «Открывая новые горизонты», изданной Hoffmann und Campe, описывает 130 лет истории BASF в Китае.

В 1882 году Bayer и в 1885-м Badische Anilin- und Soda-Fabrik (BASF) начали в Китае продавать свои продукты,

начиная от красителей и заканчивая удобрениями. С поражением в первой мировой войне немецкие предприятия основали общество, выражавшее общность их интересов: BASF, Bayer, Hoechst, Agfa, Cassella и Kalle стали частями нового гиганта, действовавшего в Китае под именем Defag, с существенным присутствием в Шанхае.

К концу тридцатых годов доля китайского рынка красителей в руках Defag составила 65 %. Но с поражением Германии во второй мировой войне немецкий химический конгломерат был распущен, а вместе с ним и Defag в Китае. В 1945 году у BASF в штаб-квартире и на главном заводе в Людвигсхафен-ам-Райн было всего восемьсот сотрудников, и немецкую химическую промышленность предстояло восстанавливать.

Послевоенное восстановление BASF в Китае

Уже в 1953 году BASF, несмотря на отсутствие дипломатических отношений между странами, получила от маоистского Китая заказ на шесть миллионов марок, что составляло 1 % от её продаж красителей и удобрений. К концу семидесятых годов продажи в Китае выросли до 100 миллионов марок, и BASF основала первые заводы в Цзилине и Ганьсу. Последней положил начало длительному сотрудничеству, продолжающемуся и по сей день, с крупной китайской государственной группой Sinopec, China Petroleum & Chemical Corporation, основанной через несколько лет после начала реформ Дэн Сяопина.

Действительно поворотный момент наступил в девяностые годы с открытием Китая иностранным инвестициям и с благословения немецкого канцлера Гельмута Коля. Начало расти число совместных предприятий с компаниями группы Sinotec, из которых наиболее значительные базировались в Шанхае и Нанкине. Как раз совместное предприятие с Yangzi Petrochemical заложило основы для идеи создания крупного интегрированного предприятия с годовым производством в 2 миллиона тонн химических продуктов, также в совместных предприятиях с группой Sinotec в Нанкине, и с инвестициями порядка 6 миллиардов марок со стороны BASF.

Гонка с Bayer

Тем временем Bayer после строительства завода по производству аспирина в тепер уже далёком 1936 году увеличивала своё присутствие в Китае посредством двенадцати мелких и средних совместных предприятий. В 2001 году, после преодоления Китаем азиатского кризиса 1997 года и вступления в ВТО, был заложен первый камень «комбината полимеров», совместного с Shanghai Chlor Alkali группы Nuay, в присутствии китайского премьера Чжу Жунци и немецкого канцлера Герхарда Шрёдера. Инвестиции со стороны Bayer составили почти 3 миллиарда долларов. В том же году был заложен первый камень завода BASF в Нанкине.

В 2002 году был подписан контракт на строительство первого предприя-

15 ЛИДЕРОВ ХИМИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ КИТАЯ

Компания	Товарооборот, млрд евро	Кол-во сотрудников	Основной сектор
1 Sinopec	379	386000	нефтехимия
2 PetroChina Company	357	418000	нефтехимия
3 Sinochem	149	220000	химия
4 CNOOC Limited	33	19000	нефтехимия
5 Shanghai Pharmaceuticals	29	47000	фармацевтика
6 Hengli Petrochemical	27	36000	химия
7 China Resources Pharmaceutical	27	65000	фармацевтика
8 Rongsheng Petrochemical	24	19000	нефтехимия
9 Wanhua Chemical Group	20	20000	химия
10 Kunlun Energy Company	19	32000	нефтехимия
11 Hengyi Petrochemical	18	17000	нефтехимия
12 BASF China	12	11000	химия
13 Yunnan Yuntianhua	9	13000	химия
14 Guangzhou Baiyunshan Pharmaceutical	9	25000	фармацевтика
15 Xinjiang Zhongtai Chemical	8	21000	химия

Данные за 2021 год.

Источники: Fortune China 2021 и данные компаний.

тия, принадлежащего на 100 % BASF в Цаоцине, пригороде Шанхая, для производства термопластов и растворителей. С приобретением швейцарской CIBA в 2008 году BASF добавила новые площадки в Чжэньцзяне (Цзянсу), Гуанчжоу (Гуандун), Сянтане (Хунань) и Циндао (Шаньдун), планируя тем временем новые вложения в Чунцине и расширение площадки в Нанкине на ещё 2 миллиарда евро, чтобы достичь производства 3 миллионов тонн химической продукции.

В середине десятых годов этого века новое совместное предприятие с Sinopec начало работы по строительству крупного комбината в Гуандуне, неподалеку от Чжэньцзяна – сейчас он находится на первом этапе эксплуатации. Вся интегрированная площадка, которая выйдет на полную мощность в 2030 году, будет третьей по величине в мире среди площадок BASF.

BASF и Bayer – группы китайского химпрома

В последнее время возросло внимание к материалам для производства аккумуляторов в сотрудничестве с китайскими Shanshan и CATL, стёклам для автомобилей с Fuqiao Group и автомобильной обшивке. Сегодня BASF, являющаяся первой в мире химической группой, располагает в Китае 11.000 сотрудников, 31 производственной площадкой и 12 миллиардами евро товарооборота в 2021 году. Это второй для группы рынок после США, дающий более 15 % товарооборота. Другой немецкий колосс химической промышленности, Bayer, закрыл 2022 год в Китае с 4,3 миллиардами евро товарооборота, что составляет почти 10 % от совокупного. Обе группы имеют сильные позиции в китайской химической промышленности с деловыми связями и отношениями, продолжительностью почти в 150 лет.

В упомянутой выше книге по истории BASF в Китае рассказывается об интервью десятилетней давности, данным нынешним генеральным директором Мартином Брудермюллером, тогда чле-

ном исполнительного совета директоров, ответственного за азиатско-тихоокеанский регион, базирующегося в Гонконге. Брудермюллер говорит: «Высокая доля промышленного производства в валовом национальном продукте двух стран [Китая и Германии] делает нас естественными экономическими партнёрами [...] Это ведёт к схожему пониманию промышленных и технологических процессов, а также промышленной политики в долгосрочной перспективе». Ему вторит Ши Мингде: «Это не открытие недавнего времени, Гёте около двухсот лет назад отмечал то же. Он говорил о китайцах: этот народ думает, действует и чувствует так же, как мы, и ты быстро почувствуешь себя одним из них».

Китайские саженьцы

Говоря об экономических отношениях Китая и Германии, мы должны вспомнить долгий путь и не удивляться тому, что Брудермюллер сказал 17 ноября прошлого года в интервью Handelsblatt: «Мы долго обсуждали на совете директоров риски, связанные с Тайванем. [...] Эта проблема возникла не вчера. При худшем исходе наши инвестиции в Китай будут меньше из проблем. [Западный] мир отвернётся от Китая с серьёзными политическими и экономическими последствиями». Таким образом, подтверждая десяти-миллиардные инвестиции в огромный завод в Чжэньцзяне, тот же Брудермюллер, как докладывает 24 февраля Frankfurter Allgemeine Zeitung, анонсировал план по реструктуризации европейского производства.

BASF считает инвестиции в Китай управляемым риском, который необходимо принять для того, чтобы оставаться мировым лидером, и в худшем случае потребуются отделить китайские компании от остальной группы. Уже сегодня BASF считается одной из трёх крупнейших групп химической промышленности в Китае.

Дипломатия региональных держав в войне в Газе

11 ноября в Эр-Рияде состоялся совместный форум Лиги арабских государств (ЛАГ) и Организации исламского сотрудничества (ОИС): в последнюю входят 57 стран, в том числе Иран, Турция, Малайзия, Индонезия и Пакистан, а в первую – 22 страны. Перед лицом внутреннего раскола в ЛАГ между более радикально антиизраильскими позициями под руководством Алжира и более умеренными позициями арабских монархий и Египта Саудовская Аравия смягчила столкновение, объединив два саммита и предложив формулу *общей исламской позиции* по палестинскому вопросу.

Арабский раскол и возвращение к плану Абдаллы

По мнению *Le Monde*, единогласное решение саммита в Эр-Рияде осудить Израиль и вернуться к плану создания двух государств для решения палестинского вопроса служит тому, чтобы «замаскировать разногласия» между арабо-исламскими державами, а также их «неоспоримую ответственность» за разворачивающуюся трагедию. Совместная декларация ОИС, по сути, перепечатывает план 2002 года за авторством Абдаллы ибн Абдул-Аазиза Аль Сауда (1924–2015), дедушки саудитского принца Мухаммеда ибн Салмана, согласно которому, условием для нормализации отношений с Израилем является создание палестинского государства на основе границ 1967 года.

Согласно *Le Monde*, в 2020 году эта инициатива была обречена в связи с подписанием «Соглашений Авраама», поскольку последние не предполагали и «минимальной компенсации», даже «символической», для палестинцев. Теперь Салман, подталкиваемый Вашингтоном, может «сделать большой шаг», а именно нормализовать отношения между Эр-Риядом и Тель-Авивом после «приличного перерыва», лишая таким образом арабов «переговорного рычага» по палестинскому кейсу, от которого многие отделились. Многие страны не станут жалеть об «устранении ХАМАС» с палестинской политической арены, что является «заявленной целью» Тель-Авива. Однако, парализованные расколом, они проявляют «постыдную беспомощность» – от «выжидательной позиции» саудитов до «максимализма» «братьев-арабов», – в то время как в Газе «множатся смерти и разрушения».

Иран и Турция в «большом шатре» Салмана

Иначе описывают ситуацию израильские источники, например, газета «Гаарец», которая в нынешнем кризисе, похоже, занимает позицию в барицентре политических и военных течений Тель-Авива и американской администрации. На взгляд Цви Барэля, главного редактора по Среднему Востоку, решение Салмана объединить два саммита было «мудрым шагом»: Эр-Рияд старается вовлечь Тегеран в политику нормализации с арабскими странами, поощряемую китайским посредничеством. Можно добавить, что саудиты ставят *большой шатёр*, в котором, предоставляя Ирану и Турции «дипломатический результат» в виде присутствия на «арабском саммите», то есть место за столом переговоров по палестинскому вопросу, разбав-

ляют его использованием неарабских региональных держав. Воспользовавшись словами Макиавелли, можно сказать: *держи своих друзей близко, а врагов – ещё ближе*.

Как подчёркивает Барэль, совместная резолюция ОИС, требующая решить палестинский вопрос через создание двух государств, содержит две клаузулы, которые соотносятся с будущим дипломатическим решением кризиса. Одна ставит акцент на роли ООП как «единственного легитимного представителя палестинцев», так что в ней должны «объединиться все палестинские фракции». Вторая требует провести в ближайшем будущем «международную мирную конференцию». Как считает Гассан Шарбель, бывший директор саудитской газеты «Ашарк аль-Асват», сближение на саммите в Эр-Рияде между странами, которые имеют «различные интересы, расчёты, союзнические и дружеские связи», касается создания одного «независимого палестинского государства». Раньше арабо-исламский мир «никогда не был в состоянии играть роль настоящего протагониста на международной арене», однако теперь, в условиях изменений мирового порядка, эти страны располагают возможностями «защитить собственные интересы» и осуществлять влияние в регионе, где «Запад имеет жизненно важные интересы».

Ким Гаттас, комментатор *Financial Times*, обращает внимание на политический баланс, проводимый Тегераном и Эр-Риядом: саудиты «надеются, что, пока они не произвели нормализацию» отношений с Израилем, наличие «канала [коммуникации] с иранцами предоставляет им определённую защиту». То же можно сказать и про Тегеран, который, как и ливанская шиитская партия-ополчение Хезболла, решил осуществить «декаплинг» между интересами в регионе и вопросом Газы.

«Фронт поддержки» Насраллы

В одно время с саммитом в Эр-Рияде генеральный секретарь Хезболлы Хассан Насралла во второй раз высказался по поводу конфликта в Газе. Насралла положительно оценил саммит ОИС: «От саммита палестинцы ждут не решения отправить войска на снятие осады Газы [...], а принятие исламским и арабским миром единогласной позиции», чтобы потребовать от США положить конец израильскому наступлению и действовать. По поводу столкновения в Газе он призвал к «фронту поддержки» палестинцев, к совместным действиям Хезболлы с иракскими, сирийскими и йеменскими группировками, опирающимися на Иран. Он подчеркнул, что победа палестинцев наступит в результате «накопительного эффекта, поэтапно, а не по итогам одной масштабной атаки».

По мнению Барэля, лидер Хезболлы останавливается перед полным военным вовлечением. Эта позиция отражает «иранскую директиву» Хезболле: «действовать в узких рамках ограниченных и точечных контратак» против Израиля, избегая риска прямого конфликта Тегерана и Вашингтона. Симметричной «фронту поддержки» позиции придерживается Вашингтон, цель которого «сдержать Израиль», чтобы избежать вовлечения в региональную

войну. Последнее предусмотрено только для ситуации, если Иран получит ядерное оружие, но не для «локального конфликта», вроде войны в Газе, каким бы трагичным он ни был.

Предложение Анкары о «гарантах»

Бурханеттин Дуран, комментатор газеты «Сабах» и советник турецкого президента, считает, что линия Анкары в ОИС нацелена на достижение перемирия в Газе и решение в виде создания двух государств посредством давления на Израиль и тех, кто его поддерживает, в том числе через мобилизацию «западного и незападного мира». Чтобы добиться «справедливого и постоянного решения» палестино-израильского конфликта, необходимо принять на вооружение предложение министра иностранных дел Турции Хакана Фидана создать «систему гарантов», согласно которой, различные страны, в том числе Турция, служили бы гарантами для Палестинской национальной администрации (ПНА) и Израиля. Фидан пока исключил возможность отправки турецких военных в Газу в составе международных «миротворческих» сил – такую гипотезу высказывали американские и британские источники – во избежание новой израильской военной оккупации и создания условий для возвращения к правлению ПНА.

По мнению Абдулрахмана аль-Рашида, бывшего директора «Аль-Арабия» и «Ашарк аль-Асват», мирному процессу препятствует фактический сговор израильского премьера Биньямина Нетаньяху и ХАМАС. Никто из них не выйдет победителем в войне в Газе. Однако «зарубежное политическое крыло» ХАМАС высказалось в поддержку решения в виде двух государств. «Зарубежные политики» ХАМАС хотели бы извлечь «политический результат» из событий 7 октября. Аль-Рашид считает, что благодаря осаде военного крыла в Газе политическое крыло могло бы получить «гарантированное место за столом идущих переговоров», тех самых, где идёт речь о нормализации отношений между Израилем и Саудовской Аравией, частью которых являлся и палестинский вопрос. Военное руководство ХАМАС отрёклось от политического крыла в 2017 году и с помощью атаки решило «убить в зародыше» переговорный процесс. Поскольку Израиль пообещал «разгромить ХАМАС», эта задача выглядит невозможной без «шокирующих потерь», в частности, среди гражданских. Но даже в этом случае «нельзя игнорировать ХАМАС». Аналитик напоминает: Израиль нанёс ООП поражение в войне в Ливане, но был вынужден вести с ней переговоры, чтобы достичь соглашений в Осло, трансформировав её в ПНА.

Лабиринт Израиля

Перед Израилем стоят три ключевых вопроса: какова цель войны в Газе, сколько необходимо времени для её ведения и каким должно быть внутреннее политическое равновесие, чтобы возобновить переговоры с палестинцами. В интервью «Гаарец» Джеймс Клэппер, директор Национальной разведки США с 2010 по 2017 год, утверждает, что «только Израиль может ответить на вопрос», в чём состоит победа в Газе.

Если целью является уничтожение ХАМАС, то её можно достичь только через разрушение сектора Газы. Как отметили многие международные обозреватели, в качестве следствия подразумевается также *принудительное выселение* значительной части его жителей. По мнению Клэппера, учитывая «эмоциональные» условия, сложившиеся в Израиле в результате конфликта, способность Вашингтона повлиять на его решения «сильно ограничена», так же, как и возможность того, что следствием конфликта станет решение в виде двух государств.

Представители и национал-консервативной партии «Ликуд», и национал-религиозной крайне правой пророчат палестинцам «Накба 2023» – «насильственное перемещение», то есть изгнание палестинского населения из Газы и с западного берега реки Иордан по аналогии с событиями 1948 года, которые описывает историография Тель-Авива (Morris B., «1948», 2005; Barnavi E., «Storia d'Israele», 1995; Segev T., «A State at Any Cost», 2019).

Историк Бенни Моррис пишет в своей книге, что Израиль тех лет обращался к историческим примерам, таким как перемещение жителей между Грецией и Турцией, Пакистаном и Индией, к примеру армян и курдов, в том числе чтобы «напомнить другим странам об их собственных преступлениях». По мнению историка и дипломата Эли Барнави, правые и религиозные течения, маргинализированные или исключённые из политики в 1948–1967 гг., не отказывались от идеи угрожать «скрытой гражданской войной». И Барнави, и политолог Сами Коэн считают, что убийство премьера Ицхака Рабина в 1995 году после подписания соглашений в Осло как раз было осуществлением этой угрозы. По словам Коэна, это был «наиболее громкий и катастрофичный успех фундаменталистских кругов», который «пустил под откос мирный процесс». Политолог добавляет, что в 1996 году «колонисты в основном поддержали Нетаньяху», чтобы «преградить дорогу Шимону Пересу», другому творцу соглашений в Осло. С того момента ни один представитель лейбористов не пытался затормозить экспансию поселений колонистов, в том числе чтобы «сохранить мир внутри».

Коэн подчёркивает: вывод израильских войск с Синая, который после 1979 года осуществило правительство «Ликуд» во главе с Менахемом Бегинем, стал причиной формирования «террористической сети», в которую входили представители «важнейших семей» поселенцев и позиция которой напоминала отношение «Секретной вооружённой организации к Де Голлю и выходу французов из Алжира» (Cohen S., «Israël: une démocratie fragile», 2021).

Сегодня число колонистов достигает порядка 700 тыс., что составляет примерно 10 % еврейского населения. На территориях, которые отошли бы палестинцам в соответствии с гипотезой договора, сформулированной бывшим премьером Эхудом Ольмертом, проживают где-то 200 тыс. колонистов, или 2,5 %. Учитывая исторические примеры, маловероятно, что их переселение ради создания двух государств может пройти мирно.

Крупнейшие группы России в 2022 году

Хрушккий

Журнал “Эксперт”, многие годы публикующий рейтинг 400 крупнейших компаний, из-за финансовых проблем этой осенью был реорганизован и переименован в “Монокль”. С традиционным для него оптимизмом издание пишет, что «краха не случилось»: снижение ВВП России за 2022 г. составило 2,1 %. Однако трибуна “промышленной” фракции российского правящего класса предпочитает не акцентировать внимание на двух моментах. Во-первых, в соответствии с официальной позицией Брюсселя, санкции были направлены не на достижение краха российской экономики, а на «ослабление способности России финансировать войну», и сейчас можно сказать, что эта цель частично достигается – так, по данным Минфина РФ, поступления от нефтегазовой отрасли в бюджет по итогам семи месяцев 2023 г. составили 4,19 трлн руб., что примерно на 40 % меньше, чем за тот же период прошлого года (7,14 трлн руб.); во-вторых, в долгосрочной перспективе может реализоваться сценарий того, что санкции усугубят «существующую в России хроническую недостаточность инвестиций, демографические проблемы и низкую производительность труда, возникшие задолго до 2022 года», как пишет Элина Рыбакова из института Брейгель.

По итогам 2022 г. федеральный бюджет РФ был сведён с небольшим дефицитом -2,2 % ВВП, хотя, как заявил вице-премьер и экс-министр энергетики Александр Новак в ходе совещания премьер-министра Михаила Мишустина с вице-премьерами, доходы от нефтегазовой отрасли выросли «на 28 %, или на 2,5 трлн рублей». Однако отметим, что это только в номинальном выражении, реальный же, по расчётам И. А. Соколова из Института Гайдара, рост доходов от нефтегаза был в два раза меньше (14,3 %).

Также стоит обратить внимание на тот факт, что в течение 2022 г. российские группы активно адаптировались к новой санкционной нормальности, в частности, в 2022–2023 гг. около четверти крупнейших по капитализации компаний из рейтинга консалтинговой группы “Консалтинг. Факты. Результаты” (КФР) сменили глав финансовых служб (CFO). Причинами такого исхода стали перспектива работы в условиях санкций, семейные обстоятельства, связанные с переездом за рубеж, и неспособность преодолевать экстраординарные вызовы, возникшие перед российскими предприятиями.

Кроме того, в 2022 г. произошла целая череда смертей при странных обстоятельствах топ-менеджеров крупных компаний, особенно нефтегазовых. В их числе: глава транспортной службы “Газпром инвест” Леонид Шульман, заместитель генерального директора Единого расчётного центра “Газпрома” по корпоративной безопасности Александр Тюляков, бывший вице-президент Газпромбанка Владислав Аваев, бывший зампред совета директоров “НОВАТЭК” Сергей Протосеня, председатель совета директоров ЛУКОЙЛА Равиль Маганов. А совсем недавно – в октябре этого года – умер преемник последнего Владимир Некрасов.

МЭА: мрачные перспективы российской газовой отрасли

По итогам 2022 г. компанией с наибольшим товарооборотом в России вновь оказался “Газпром” с результатом почти 11,7 трлн рублей, однако это

на 39 % меньше, чем годом ранее. Чистая прибыль компании уже в I полугодии 2023-го обвалилась почти в восемь раз по сравнению с тем же периодом прошлого года – до 330,996 млрд руб., а за II квартал “Газпром” получил убыток 7,232 млрд руб.

В числе причин такого пике называют потерю “Северного потока – 1”, части транзита газа через Украину и остановку газопровода “Ямал – Европа”, неблагоприятную мировую конъюнктуру и неспособность “Газпрома” компенсировать потерю европейского рынка за счёт Китая, где замедляется рост промышленности, снижаются розничные продажи и объём импорта и экспорта, что может привести к падению в этой стране спроса на энергоносители.

На этом фоне неудивительно, что *Forbes*, опубликовавший список 100 крупнейших по чистой прибыли компаний России, отмечает, что по итогам I полугодия 2023 г. “Газпром” заметно уступает конкурентам, а перспектив переломить тенденцию на фоне сокращения добычи и потери европейского рынка у него нет, поэтому по итогам этого года издание ожидает «смены лидера», которым, вероятно, станет Сбербанк.

С другой стороны, “НОВАТЭК” и “Ямал СПГ” (в котором первый обладает контрольным пакетом акций) смогли воспользоваться тем, что европейские страны из-за опасений создать дефицит на рынке в 2022 г. не вводили никаких значительных санкций против российских поставщиков СПГ: “Ямал СПГ” увеличил свою чистую прибыль почти в 2,5 раза.

Если говорить о газовой отрасли в целом, то, по данным Новака (“Энергетическая политика”, 13.02.2023), в 2022 г. РФ сократила добычу газа на 11,66 % (до 673,8 млрд м³), экспорт – на 25,1 % (до 184,4 млрд м³), несмотря на это, выручка выросла на 63 %. Наиболее благоприятной ситуация была в подсекторе СПГ: его производство, по данным Росстата, выросло на 8,1 %, а экспорт, по данным Минэнерго, – на 7,8 %, при этом, по оценке консалтинговой компании Б1 (бывшая ЕУ в России), поставки СПГ из России в страны ЕС и Великобританию увеличились почти на 19 % (“Ведомости”, 31.08.2023). Но и здесь всё не так безоблачно: в ноябре санкции в отношении ООО “Арктик СПГ-2” и его подрядчика ООО “Арктик Энерджи” ввели США.

Что касается перспектив отрасли, МЭА в своём свежем докладе “*World Energy Outlook 2023*” заявляет, что доля РФ в международной торговле газом, составляющая в 2021 г. 30 %, к 2030 г. в двух из трёх сценариев упадёт до 15 %, а чистая прибыль от его продажи – с примерно 100 млрд долл. в 2021 г. до менее 40 млрд долл. в 2030 году (во всех сценариях).

Нефтяной сектор в ожидании сложного года

Результаты нефтяного сектора на этом фоне выглядят более позитивно. По данным того же Новака, в 2022 г. добыча нефти в России выросла на 2 % (до 535,2 млн т), экспорт – на 7,6 % (до 242 млн т). При этом рост доходов от экспорта составил около 20 %, но в 2023 г. они могут «очень сильно снизиться из-за падения объёмов экспорта и снижения нефтяных цен» (“РИА Рейтинг”, 02.03.2023). Кроме того, в прошлом году сектор демонстрировал устойчивую прибыльность, и причина этого, по мнению экспертов, опрошенных “РБК Инвестиции”, состоит в том, что большая часть компа-

ний продавала сырьё по премиальным ценам выше 70 долл. за баррель (дисконт к Brent колебался в зависимости от сорта в диапазоне от 5 до 30 долл. за баррель), а налог рассчитывался исходя из сильно дисконтированной цены Urals.

Также интересен случай “Татнефти”, иллюстрирующий, что капиталистический кризис всегда означает *новый раздел рынков*: ещё в 2020 г. гендиректор компании заявлял, что она стремится стать «глобальной каучуковой компанией». В марте 2023 г. “Татнефть” совершила скачок на пути к этой цели, купив шинный бизнес у уходящего из России финского гиганта *Nokian Tyres*. Мощностью 14 производственных линий – примерно 17 млн шин в год, а в 2021 г., до продажи своих шинных активов, “Татнефть” произвела около 12 млн шин.

Неприкосновенный атом

Среди немногих конкурентоспособных на мировом рынке секторов российского империализма особняком стоит атомная отрасль: в 2022 г. война на Украине не привела к наложению санкций на “Росатом” и остановке его основных проектов за исключением расторжения в мае 2022 г. контракта с входящей в “Росатом” финской *Raas Project* на строительство АЭС “Ханхикиви-1”, но и это решение формально не было связано с войной и санкциями: созданная “Росатомом” и консорциумом финских государственных энергетических и промышленных компаний *Fennovoima* мотивировала этот разрыв задержками в исполнении обязательств с российской стороны. Сейчас дело рассматривается в международном арбитраже.

Причина такой “неприкосновенности” проста: в ЕС есть целая группа стран (Венгрия, Болгария, Финляндия, Чехия, Словакия), зависящих от поставок российского топлива на свои реакторы “советского” дизайна и не желающих столкнуться с энергетическим кризисом. Вплоть до того, что вскоре после публикации 10 пакета санкций ЕС против России глава МИД Венгрии Петер Сийярто в интервью “РИА Новости” заявил: «Венгрия никогда не согласится на санкции против “Росатома»».

Кроме того, в ведении санкций не заинтересован и такой влиятельный игрок, как Франция, которая не готова провоцировать сильную турбулентность на мировом рынке урана с непредсказуемыми последствиями для конкурентоспособности своей экономики, напрямую зависящей от атомной отрасли: “Росатом” производит более трети всей обогащённой урановой продукции в мире и занимает 17–20 % на мировом рынке фабрикаций топлива, поэтому санкции в отношении него не пройдут бесследно для мирового рынка.

Однако не стоит забывать про США: в апреле этого года они ввели санкции против “Росатом Оверсиз”. Правда, масштабы её международной деятельности невелики, но сам случай примечателен как первый напрямую затрагивающий проекты “Росатома” в ядерной энергетике.

Металлургия: долгое восстановление

Большинство крупнейших металлургических компаний в этом году не публиковали данные об объёмах товарооборота и чистой прибыли, но агрегированные показатели отрасли, которая входит в число наиболее пострадавших от санкций, позволяют

предположить, что в 2022 г. дела этих групп шли не лучшим образом.

Ещё в 2021 г. Россия входила в топ-5 поставщиков стали в Европе с объёмом поставок 3,7 млн тонн. За 11 же месяцев 2022 г., по данным Eurofer, она сократила отгрузку в ЕС на 68 %, превратившись в третьеразрядного поставщика, а её место заняли Китай, Южная Корея и Тайвань, значительно увеличившие экспорт в Европу.

Теперь перед металлургами стоит задача переориентации своего экспорта, и в этом плане интересно мнение Сергея Гришунина из НРА, утверждающего, что Китай «вряд ли интересен как рынок сбыта» и что российские группы скорее сосредоточатся на взаимодействии с китайскими трейдерами, которые выкупают большие объёмы, а затем поставляют их по всему миру, включая страны Запада, но проблема в том, что работа с трейдерами – это «низкомаржинальный бизнес» (“Коммерсантъ”, 25.04.2023).

В прошлом году производство стали в России упало на 7,2 %, хотя следует отметить, что 2022 год был неудачным для мировой сталелитейной отрасли в целом – выпуск снизился на 4,2 %.

В качестве контрмеры Правительство РФ в конце 2022 г. приняло Стратегию развития российской металлургии на период до 2030 г., которая примечательно некоторыми публичными заявлениями правящего класса. В Стратегии говорится, что на адаптацию к санкциям и восстановление российской металлургии потребуется *восемь лет*.

Банки: быстрый отскок

После начала украинской войны и последовавших за ней западных санкций в отношении российской финансовой отрасли, подвергшейся беспрецедентному давлению, банковский сектор впервые с 2016 г. показал убыток за I полугодие, однако уже к концу года сумел выйти в прибыль, хотя и показал худший результат за те же семь лет.

Причинами такого результата, как пишут “Ведомости” от 27 января, стали ослабление рубля, поблажки со стороны ЦБ (фиксация валютного курса, стоимости ценных бумаг, льготное резервирование по кредитам отдельным компаниям и проч.), а также быстрое снижение ставки, которую сам же Банк России и поднял в марте с 9,5 до 20 %: в апреле она упала сразу до 17 % и 14 %, а с сентября до июля 2023 г. составляла 7,5 %. Но уже 27 октября ЦБ был вынужден вновь поднять ставку до 15 %.

Благодаря буму в банковском секторе наш рейтинг пополнился такими новичками, как *Россельхозбанк*, *Московский кредитный банк*, *Совкомбанк*, банк “Открытие” и *ТКС-банк*.

Циркулирующие прогнозы на 2023 г. также оптимистичны, и эксперты считают, что успеху банков будут способствовать кредитный бум на фоне проблем в экономике из-за войны, девальвация рубля, дефицитный бюджет, инфляция, а также продолжающиеся действия послабления от ЦБ, но при этом предполагают, что в следующие несколько лет финансовые результаты сектора будут гораздо скромнее (*Forbes*, 26.09.2023).

Ритейл: агрессивный рост

В секторе сетевой розничной торговли наблюдался, по словам “Монокля”, «агрессивный рост» двузначными темпами. Его причиной издание считает то, что украинская война потребовала рез-

Эрфуртская программа

Когда борьба с Исключительным законом против социалистов закончилась, немецкая социал-демократия провела демобилизацию собственных рядов, что вызвало внутри неё трения. Эти контрасты приняли форму двух противоположных течений, идеи которых, как заметил Ленин в 1913 году по случаю смерти Августа Бебеля, напоминали правый оппортунизм Карла Хёхберга и ультралевизну Иоганна Моста, ставшие двумя закономерностями развития классовой партии: «*Партийный кризис, приблизительно того же характера, что и в половине 70-х годов, повторился опять*».

Оппортунизм и максимализм

С одной стороны, те, кто под давлением закона против социалистов дали «себя запугать разрушением легальности и [затянули] песенку уныния», вслед за Георгом фон Фольмаром решили «воспользоваться легальностью» для проповеди реформистского пути и посвятить себя парламентской политике, отказавшись от революционной перспективы.

С другой стороны, резюмирует Ленин, «так называемые „молодые“ играли в „левизну“ и катились к анархизму»¹. Франц Меринг в своей «Истории германской социал-демократии» добавляет наблюдение о моральном факторе некоторых членов партии, на которых эти группы молодых интеллектуалов пытались оказать влияние: «В сущности, всё дело заключалось в некотором неудовольствии нескольких больших городов, как Дрезден, Магдебург и в особенности Берлин. Поскольку это неудовольствие имело серьёзное основание, его скорее всего можно было сравнить с настроением привыкших к войне ветеранов, которые, после прекращения войны, неохотно снимают своё оружие, которым они ловко и удачно владели. Особенно естественно было такое настроение в Берлине. Нигде партия не пережила такого тяжёлого положения, как в столице империи»².

Новая империалистическая эпоха

Однако, как мы видели, 12 лет борьбы против Бисмарка подтвердили, что лозунг «учить, организовывать, пропагандировать» оказался эффективнее тактики заговоров и ультралевизны Моста. Этот результат проявился и во II Интернационале, основанном в Париже в 1889 году. После съезда в Брюсселе, прошедшего в августе 1891 года, Энгельс выразил удовлетворение тем, что анархистские течения потеряли влияние. В письме Полю Лафаргу от 2 сентября 1891 года, опубликованном 12 сентября в газете *Le Socialiste*, он писал: «[...] исключение анархистов. Новый Интернационал начал с того, чем закончил старый»³.

Здесь следует отметить, что Арриго Черветто всё же признавал заслугу голландского делегата-анархиста Домела Нивенхёйса, который стал «первым» в дебатах во II Интернационале, «поддержавшим превращение войны между капиталистическими нациями в гражданскую войну против буржуазии». Но именно для того, чтобы вести такую войну, необходимо точное знание соотношения сил между классами. В эти последние годы XIX века, пишет Черветто, Энгельс разработал

«революционную стратегию империалистической эпохи», сформулировав «грандиозное предсказание» «кризиса конца века» и мирового конфликта, в котором армии будут состоять в основном из пролетариев. Столкнуться лицом к лицу с правящим классом и его современным военным аппаратом на баррикадах, используя устаревшие методы восстания 1848 года, было бы самоубийством. Вместо этого была необходима терпеливая и дисциплинированная работа, чтобы укоренить интернационализм в классе и таким образом посеять его семена в массовых армиях.

Против фраз

В письме Фридриху Адольфу Зорге от 9 августа 1890 года Энгельс критикует мелкобуржуазный максимализм, которым были заражены эти «самодовольные литераторы, стремящиеся насильственно добиться удовлетворения своей мани величия» и имевшие «приверженцев [...] в Берлине, Магдебурге и т. д., в особенности среди новых членов партии, которых ещё можно подкупить фразами»⁴. 5 августа в известном письме Конраду Шмидту Энгельс подчеркнул эклектизм и вредную теоретическую поверхностность этих элементов: «Вообще для многих молодых писателей в Германии слово „материалистический“ является простой фразой, которой называют всё, что угодно, не давая себе труда заняться дальнейшим изучением, то есть приклеивают этот ярлычок и считают, что этим вопрос решён. [...] Но вместо этого у многих немцев из молодого поколения фразы об историческом материализме (ведь можно всё превратить в фразу) служат только для того, чтобы как можно скорее систематизировать и привести в порядок свои собственные, относительно весьма скудные исторические познания [...] и затем возомнить себя великими»⁵.

Дело «молодых» начало обсуждаться на съезде в Галле (октябрь 1890 г.) и закончилось на съезде в Эрфурте (октябрь 1891 г.) их исключением, хотя Энгельс рекомендовал в партии абсолютную свободу дебатов. Затем они создали Независимую социалистическую партию, которая, однако, не имела никакого влияния. Ядро было более конкретно, оно организовало анархистскую группу вокруг газеты *Der Sozialist*, издававшуюся в Берлине после 1893 года. Однако вскоре группа раскололась на две конкурирующие секции – Анархистскую федерацию Германии, которая развивала коммунистический и рабочий анархизм вокруг Пауля Павловича, и Социалистический союз, созданный интеллектуалами, такими как Густав Ландауэр, ориентированными на корпоративистский анархизм.

Оппортунизм Фольмара

На стороне правого оппортунизма оказался, причём с гораздо большими последствиями, Фольмар, член баварского ландтага, на которого оказали влияние успехи, достигнутые мелкими баварскими крестьянами в их деятельности. В последующие годы аграрный вопрос окажется в центре теоретической борьбы внутри социал-демократии, о чём свидетельствуют объёмные работы Карла Каутского на эту тему.

В своей июньской речи 1891 года в мюнхенском «Эльдорадо» Фольмар защищал необходимость реформистской политики. Он также высказался в поддержку Тройственного союза, оправдывая это сближением «между республиканской Францией и русским деспотизмом», и предложил немецким социалистам выполнить свой солдатский долг в случае войны.

На съезде в Эрфурте Фольмар всё же принял линию партии, но Энгельс в письме от 24 октября 1891 года предупредил Бебеля: «[Для] настоящего момента это, пожалуй, лучше, хотя с ним вы ещё далеко не разделились, и чем напряжённее положение, тем зорче нужно за ним следить». Жак Дро в «*Histoire générale du socialisme*» комментирует: «С этого момента в социалистическом сознании быстро прорастут семена реформистского оппортунизма».

Критика Эрфуртской программы

Съезду в Эрфурте также была поручена разработка программы, которая должна была прийти на смену Готской. Для руководства этой работой Энгельс опубликовал «Замечания к программе германской рабочей партии» Маркса, которые были написаны в 1875 году, но оставались неопубликованными. Кроме того, получив проект программы 18 июня, в последующие дни он написал свои наблюдения, которые направил партийному руководству и которые станут известны под названием «К критике проекта социал-демократической программы 1891 года».

Теоретическая часть программы была разработана главным образом Каутским, руководившим с 1883 года в Штутгарте журналом *Die Neue Zeit*, в котором сотрудничали Энгельс, Бебель, Либкнехт и издатель Иоганн Дитц. Эту часть Энгельс одобрил и в начале своей «Критики» написал: «Сильные остатки отжившей традиции – как специфически лассальянской, так и вульгарно-социалистической – в основном устранены, в теоретическом отношении проект в целом составлен на основе современной науки, что даёт возможность обсуждать его на этой основе»⁶.

Эрфуртская декларация сопровождалась практической программой, включающей немедленные «Политические требования». За них и зацепился Фольмар, в своей реформистской полемике утверждавший, что они противоречат теоретическим принципам.

В действительности, как следует из наблюдений Энгельса, между двумя частями программы не было противоречия, а было сочленение стратегии и тактики. Энгельс явно нападает на оппортунизм Фольмара: «Это забвение великих, коренных-соображений из-за минутных интересов дня, эта погоня за минутными успехами и борьба из-за них без учёта дальнейших последствий, это принесение будущего движения в жертву настоящему, – может быть, происходит и из-за „честных“ мотивов. Но это есть оппортунизм и остаётся оппортунизмом, а „честный“ оппортунизм, пожалуй, опаснее всех других»⁷.

В то же время Энгельс подчёркивает, что в Германии ещё остаются буржуазно-демократические битвы, которые необходимо вести, и отмечает, что в программе политические требования должны быть связаны с це-

лю достижения «единой и неделимой республики», а не фрагментированной на мелкие государства, где Пруссия растворилась бы в германском целом. Он пишет: «Из боязни возобновления закона против социалистов, или вспоминая некоторые сделанные при господстве этого закона преждевременные заявления, хотя теперь, чтобы партия признала теперешний законный порядок в Германии достаточным для мирного осуществления всех её требований. Убеждают самих себя и партию в том, что „современное общество вращается в социализм“ [...], не предстоит ли ему в Германии, кроме того, разбить оковы ещё полуабсолютистского и к тому же невыразимо запутанного политического строя»⁸.

Последний «общедемократический натиск»

Энгельс ясно указывает, что демократическая республика является лишь переходной стадией в революционном процессе: «Уничтожение классов – наше основное требование»⁹. В марте того же года во введении к третьему немецкому изданию «Гражданской войны во Франции» он писал: «В действительности же государство есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим, и в демократической республике ничуть не меньше, чем в монархии»¹⁰.

Однако в настоящий момент «не подлежит никакому сомнению», утверждает Энгельс в «Критике», что «наша партия и рабочий класс могут прийти к господству только при такой политической форме, как демократическая республика. Эта последняя является даже специфической формой для диктатуры пролетариата, как показала уже великая французская революция. Ведь совершенно немислимо, чтобы нашим лучшим людям пришлось стать министрами при императоре»¹¹.

Как отмечал Черветто, Энгельс считал наличие доли мелкобуржуазного оппортунизма в партии в некотором смысле неизбежностью, обусловленной немецкими условиями и продиктованной тяготением этих промежуточных слоёв и интеллигенции к рабочему классу. В письме Каутскому от 3 декабря 1891 года Энгельс писал: «Практические требования содержат всякого рода „но“, некоторые – в применении к современным условиям – выглядят по-мещански, но при нашей нынешней прочной позиции на это можно справедливо возразить, что их наверняка нельзя будет провести, пока мы не придём к власти, а тогда они приобретут совершенно иной характер»¹².

Lotta comunista, апрель 2023 г.

1 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 23. С. 368.

2 – Меринг Ф. История германской социал-демократии. СПб.: Книгоиздательское Товарищество «Просвещение». Выпуск восьмой, 1896. С. 5. С. 237.

3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 38. С. 128.

4 – Там же. Т. 37. С. 374.

5 – Там же. С. 371.

6 – Там же. Т. 22. С. 229.

7 – Там же. С. 237.

8 – Там же. С. 236.

9 – Там же. С. 235.

10 – Там же. С. 200–201.

11 – Там же. С. 237.

12 – Там же. Т. 38. С. 204.

Рабочая борьба в мире

UAW использует благоприятный момент

Конфликт по поводу контрактов рабочих Ford, General Motors и Stellantis (Большой тройки), который затронул примерно половину сектора в США, завершился в конце октября после 46-дневной забастовки с участием 51 тыс. сотрудников.

Предпосылки

Вероятно, более благоприятного момента, чем этот, с точки зрения совпадения множества объективных факторов, и быть не могло. Первый фактор – это благоприятная фаза экономического цикла, характеризующаяся восстановлением после пандемии в США, где автомобильный сектор, включая Большую тройку, занимает лидирующие позиции по объёмам производства, продаж и прибылей. Второй – ситуация на рынке рабочей силы: уровень безработицы находится на историческом минимуме (ниже 4 % с января 2022 года, но около 3,2 % на Среднем Западе, в центре тяжести автомобильной индустрии): найти подходящих работников становится всё труднее. В документе “Automotive Manufacturing Outlook Survey 2022” говорится, что наблюдается *«исключительная нехватка навыков и рабочих рук, недостаточная подготовка и квалификация»*. Работа в автомобильной сфере требует профессионализма и специфической подготовки сотрудников. Третий фактор – это инфляция, которая быстро прогрессировала в последние 2–3 года, снижая реальную заработную плату в секторе, больше не защищённом “подвижной шкалой заработной платы” (COLA), рухнувшей в кризис 2009 года. Следом началась волна борьбы за восстановление заработной платы, особенно в автомобильном секторе. Но на заднем плане маячит “каменный гость” – глубокая реструктуризация сектора с гигантскими инвестициями для перехода на электромобиль; её сроки уже вырисовываются.

Этот контекст применимый *mutatis mutandis* к рабочим многих секторов США, быстро изменил общий климат: в газетах стали появляться сообщения о забастовках докеров, автотранспортных рабочих (Teamsters), сотрудников сферы логистики, медицинских работников и т. д. И в этой благоприятной обстановке закончился срок действия контрактов Большой тройки.

UAW и требования контракта

Тем временем обновился Объединённый профсоюз работников автомобильной промышленности (United Auto Workers, UAW), существующий почти 100 лет. Эти изменения, конечно, не могли не быть связаны с общим климатом. UAW вместе с Teamsters и некоторыми другими является одним из самых сильных и организованных профсоюзов в Соединённых Штатах. Он сильно пострадал, а иначе и быть не могло, от общего кризиса профсоюзов: число его членов сократилось с 640 тыс. в начале века до примерно 400 тыс. Изменились и принципы его управления: появились выборы президента “снизу”; была проведена внутренняя реорганизация; у руля встал новая группа управленцев, состоящая из тридцатилетних; большее внима-

ние стало уделяться заботе об имидже и пр. Через несколько месяцев после реорганизации профсоюза разразился ключевой спор с Большой тройкой.

Условия продления контрактов со стороны рабочих включали два ключевых момента: в ближайшей перспективе восстановление заработной платы и в будущем расширение действия контрактов UAW на рабочих новых “электрических” заводов (производство аккумуляторов, сборка и т. д.). Мы сможем лучше понять многие другие моменты, если вспомним, что во время кризиса 2008–2009 гг. UAW пришлось принести в жертву на алтарь кризиса ряд завоеваний, которые к тому времени глубоко укоренились среди рабочих: отказаться от “подвижной шкалы заработной платы”, ввести новые “гибкие” условия при найме, практически отменить повышенный стаж для новых сотрудников и т. д.

Требования UAW по заработной плате (совокупно +35–40 % в конце 4,5 лет действия нового контракта) изначально считались Большой тройкой неприемлемыми. Но все знали, что они были обоснованы, и фактически в условиях инфляции повышение заработной платы постепенно происходило, в том числе и в той части американского автопрома, где профсоюзов нет, – в компаниях Toyota, Tesla, Honda и т. д. Неслучайно во время переговоров между UAW и Большой тройкой Toyota посчитала нужным заявить, что она повысила заработную плату своих сотрудников на 9 %. Многие комментаторы отмечали, что, как это ни парадоксально, адаптация заработной платы к инфляции происходила быстрее там, где не было ни профсоюзов, ни контрактов, фиксирующих заработную плату до истечения срока их действия. По сути, большая часть пакета требований была направлена на то, чтобы отвоевать утраченное и вернуться к состоянию, существовавшему до 2009 года.

Тактика забастовок

Новое руководство UAW, которое сделало символом разрыва с прошлым “транспарентность”, порвало с традициями и на деле, особенно в методах разрешения спора. Когда контракты истекли, а UAW не договорился с работодателями, он, вместо того чтобы сосредоточить удар только на одной из компаний Большой тройки (“фабрике-мишени”), как это делалось до сих пор, избрал беспрецедентный путь ведения переговоров одновременно со всеми тремя, а заодно устроил забастовки на избранных предприятиях. В течение нескольких недель к трём объектам добавились новые, а в общей сложности в забастовках приняли участие 12,7 тыс. рабочих, первая из них началась 15 сентября, место её проведения было выбрано с учётом хода переговоров, чтобы накачать того, кто больше всего не хотел вести переговоры, вплоть до вывода 51 тыс. сотрудников.

Немаловажным здесь является организационный аспект: только хорошо организованный и монолитный профсоюз может справиться с такой динамикой, учитывая также, что фонды сопротивления UAW, которые предо-

ставляют компенсацию на время забастовки, покрывают примерно половину средней зарплаты. Но надо сказать, что требования включали и компенсацию, пропорциональную количеству дней, которое провёл в забастовке каждый рабочий.

Байден и Трамп на пикетах

Далее отметим более важный, чисто политический аспект – вмешательство двух вероятных кандидатов на президентских выборах 2024 года, которые провели разговоры с бастующими рабочими на пикете в шт. Мичиган. Байден поддержал требования профсоюзов, в частности требования по заработной плате, ссылаясь на американский миф о среднем классе в пику купающейся в доходах Большой тройки, которой он, между тем, предоставил крупное финансирование из фондов IRA для перехода на электромобили. По мнению многих комментаторов, такая явная поддержка авторботников была рискованным шагом, ведь если бы конфликт загноился, затянулся и закончился недовольством рабочих, то мог бы обернуться против Байдена.

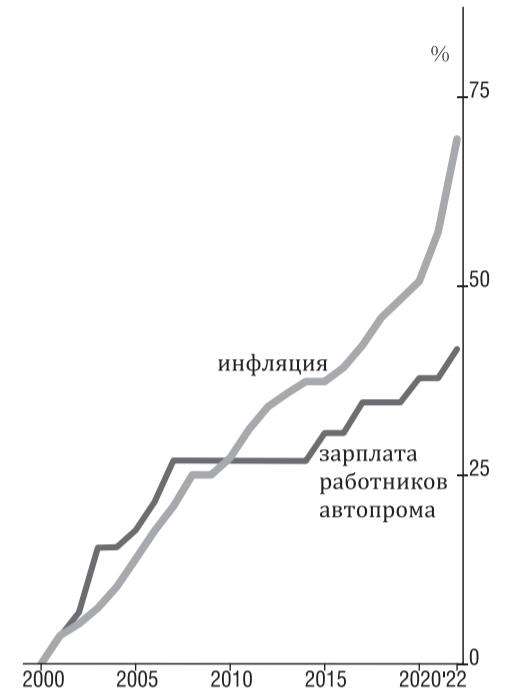
Дональд Трамп, почти наверняка кандидат от Республиканской партии, не сильно отстал, возможно, под влиянием действий своего оппонента. Он выступил перед рабочими не входящей в профсоюзы мичиганской фабрики через несколько дней после Байдена, в менее “рабочистской” форме, и в совранистских тонах раскритиковал политику нынешнего американского президента по поддержке электрического перехода, обвинив его в том, что это порождает лишь безработицу в автомобильном секторе. Таким образом он попытался установить связь с рабочими, которые опасаются, что быстрая реконверсия отрасли будет иметь последствия для занятости.

На последних двух президентских выборах штаты Среднего Запада, в частности Мичиган, находились в равновесии. Однако уже через год состоялись следующие, и эти выступления означали небольшое забегание вперёд в избирательной кампании.

Результаты

Трое переговоров завершились с разницей в несколько дней, и их результаты были оценены профсоюзами крайне положительно. Возмещение заработной платы составило примерно 25 % (совокупно по окончании контракта, срок действия которого истекает в апреле 2028 года), а также вновь введена “подвижная шкала заработной платы”. Нестандартные рабочие места будут ликвидированы, а динамика заработной платы будет соответствовать инфляции. Были увеличены пенсии и улучшены многие другие институты.

Кое-что достигнуто и на другом, будущем фронте, связанном с реструктуризацией и защитой рабочих от увольнений и т. д.: GM распространил действие контракта на завод по производству аккумуляторов Ultium, входящий в совместное предприятие с южнокорейской LG, и кажется, что другие также пообещали нечто подобное от-

Тенденция средней заработной платы в автомобильной промышленности Большой тройки по сравнению с инфляцией за последние десятилетия. До 2011 года номинальная заработная плата росла быстрее инфляции, поэтому реальная заработная плата увеличивалась. Однако с тех пор в результате кризиса и уступок, сделанных UAW Большой тройке в 2008–2009 гг., номинальная заработная плата оставалась постоянной и впоследствии росла меньше инфляции, поэтому реальная заработная плата снижалась. В 2022 году накопленная отрицательная разница достигла примерно 25 процентных пунктов.

Источник: Wall Street Journal, опирающаяся на данные UAW (о заработной плате) и Министерства труда США (об инфляции).

носителю аналогичных строящихся заводов. Но в этом аспекте контракт менее “транспарентен”, и, как заметил один комментатор, дьявол прячется в деталях; возможно, замечание имеет некоторый смысл, если учесть, что объём соглашения составляет около 800 страниц.

Выводы и перспективы

Президент UAW Шон Фейн, обратившийся к членам профсоюза в колонке Detroit News в начале голосования по ратификации соглашения, написал, что *«результат стал одной из самых удивительных договорных побед со времени забастовок тридцатых годов»*. UAW, безусловно, следует отдать должное за то, что он хорошо провёл это сражение, исход которого ни в коем случае не был предрешён, и наилучшим образом использовал благоприятный момент, даже если результаты стали скорее *«отвоеванием»* позиций прошлого. Но политический успех несомненен, ведь забастовки, требования и конкретные результаты заполнили сцену почти во всех штатах после нескольких десятилетий, проведённых в обороне.

Однако UAW ждёт ещё одно сражение, возможно, более трудное, и оно касается ближайшего будущего: *«травматическое воздействие электрической реструктуризации»* начало доходить и до работников автопромышленности. Оно приведёт к болезненному сокращению занятости, в том числе в результате внедрения новых производственных технологий. Это займёт годы.

Спокойная жизнь

“Досье иммиграционной статистики 2023” исследовательского центра IDOS напоминает о юбилее: 50 лет назад, в 1973 году, число иммигрантов впервые превысило количество эмигрантов, Италия превратилась в страну иммиграции. Однако, сетует IDOS, для принятия первого закона по этому вопросу потребовалось 25 лет.

Конечно, в этом можно усмотреть один из аспектов итальянского нарушения равновесия, но не следует забывать и о более общей стратегической близорукости буржуазии, склонной оценивать конъюнктуру, а не смотреть на долгосрочную перспективу.

С марксизмом дело обстоит иначе. В этой связи вспомним, что задолго до этого, в октябре 1967 года, Лоренцо Пароди писал в *Lotta Comunista*: «Поскольку Италия входит в десятку наиболее индустриально развитых стран Запада, в будущем может произойти то, что уже теоретически возможно: разворот миграционной тенденции, при котором Италия потеряет свою особенность быть лишь экспортёром рабочей силы».

В настоящее время Италия полностью интегрирована в европейский процесс перемещения населения и рабочей силы: в странах ЕС проживает 37,5 млн иностранных граждан, что составляет 8,4 % от общей численности населения, причём почти 24 млн из них – граждане стран, не входящих в ЕС. С учётом натурализованных, 55,3 млн человек имеют миграционное прошлое.

Демография и труд

Таким образом, проблема иностранных работников не является исключительно итальянской. 11 октября Европейская комиссия опубликовала документ “Демографические изменения в Европе: руководство к действию”. Ссылаясь на него, президент Института международных отношений Фердинандо Нелли Ферочи жалуется на то, что в Италии «это заслуживало бы большего внимания», но как уж есть.

В документе чётко выражена озабоченность нехваткой рабочей силы: численность населения трудоспособного возраста с 2012 по 2021 год уже сократилась на 5 млн человек и обещает снизиться ещё больше. В рамках предлагаемого “инструментария” рассматриваются некоторые хорошо известные меры: стимулирование занятости женщин, молодёжи и пожилых людей, в том числе с помощью «повышения заработной платы в профессиях, которых это касается в особенности». Однако этого недостаточно, как недостаточно и перемещения рабочей силы внутри ЕС, где все страны сегодня испытывают на себе последствия демографической зимы. Вывод однозначен: «Легальная миграция и эффективная интеграция граждан третьих стран имеют решающее значение». В документе также говорится, что для решения этой проблемы в рамках более широкого вопроса конкурентоспособности Урсула фон дер Ляйен поручила Марио Драги подготовить доклад к лету 2024 года.

Итальянское нарушение равновесия

Что касается Италии, то в “Досье” IDOS дефицит рабочих рук к 2050 году

оценивается в 7,8 млн человек, при этом обращается внимание на трудности с привлечением иммигрантов. Вершиной является механизм «номинального трудоустройства вслепую»: предприниматель должен принять иностранца на работу, даже не видя его. Именно поэтому значительная часть “найма” на самом деле является замаскированной регуляризацией уже занятых работников. Не в последнюю очередь это связано с тем, что реальная легализация занимает библейские сроки: последняя статистика за 2020 год говорит, что через три года после подачи заявления было рассмотрено менее половины, и только 31 % – с положительным результатом. Последнее постановление о потоках рабочей силы восстановило механизм трёхлетнего планирования, но ожидаемые к 2025 году 452 тыс. заявок – это половина от 833 тыс. работников, необходимых по собственным оценкам правительства.

Если во всём этом ещё можно увидеть долю нарушения равновесия, то другая сторона – это “свирепое лицо” для электоральных целей. Что, впрочем, применимо не только к Италии.

Итоги пандемии

“Досье”, основанное на данных 2022 года, также является своеобразной инвентаризацией итогов пандемии. Действительно, фиксируется более быстрое восстановление занятости иммигрантов (+5,2 % к 2021 году), число которых, нужно отметить, пережило более резкое падение ранее. Сегодня в стране насчитывается 2.374.000 рабочих-иностранцев, составляющих 10,3 % занятых, тогда как в 2020 году их доля снизилась до 9,8 %. Следует отметить, что треть из них выполняют работу, определяемую как “нестандартная”, т.е. с временной или вынужденной неполной занятостью, с уровнем заработной платы на 31 % ниже, чем в среднем по отрасли.

Доклад также подтверждает некоторые известные характеристики. Доля иностранцев в общей занятости по сравнению со средним показателем 10,3 % составляет 15,6 % в строительстве, 17,3 % в гостиницах и общественном питании, 17,7 % в сельском хозяйстве и доходит до 62,2 % в сфере домашнего обслуживания. Иностранцы моложе: 53,2 % младше 40 лет по сравнению с 43,6 % всех работающих. Соответственно, меньше и пенсионное бремя: только 0,6 % социальных выплат приходится на иммигрантов. На фоне этого, с другой стороны, они чаще становятся жертвами несчастных случаев: 17,4 % от общего числа, причём число погибших в период с 2021 по 2022 год увеличилось на 18 человек по сравнению с сокращением на 235 среди итальянцев.

“Чёрное” просекко

Элементом относительно новизны в “Досье 2023” является исследование сельскохозяйственных работников: на иностранцев приходится 31,7 % всех отработанных дней. Исследовательский центр Пласидо Рицотто при профсоюзе FLAI-CGIL

Что возникает в голове, когда по телевизору показывают кадры войны, окопы на Украине, еврейских молодых детей, убитых на концерте, семьи, зарезанные или похищенные в кибуцах, тысячи детей, убитых израильскими бомбардировками в Газе?

Безусловно, ужас, безусловно, сострадание. Но глобальный вопрос заключается в другом: может ли это произойти здесь? Придёт ли война и сюда? Это покажется кощунством по отношению к жертвам на Украине, в России, Газе и Израиле, чьи жизни могли бы быть спасены, но в старушке Европе высшее чувство – это вера в спокойную жизнь, в грядущие планы для тех, кто молод, или в будущие перспективы для детей и внуков для тех, чья молодость уже позади. Какая жизнь их ждёт?

Трудно это признать, но правда в том, что война уже здесь, в Европе и на её границах. Один из родоначальников поп-музыки полвека назад написал знаменательный гимн пацифизму. Он представил себе мир без границ и религий, разделяющих людей; на возражение, что он мечтатель, был дан ответ: я не один. Этого недостаточно. Недостаточно вздохов добрых чувств, недостаточно огоньков, которыми размахивают на концертах взамен свеч, зажигаемых в церквях для получения иллюзорного утешения от священников. Нужна реальная сила, чтобы остановить волну войн, нужна стратегия. Единственная реальная сила – международный пролетариат, единственная стратегия – революционная коммунистическая стратегия. Мы ещё раз повторяем: национализм – это тупик, который либо претендует на право стирать с лица земли целые города, либо уступает место террористическому фидеизму. Только революционное единство арабского, израильского, украинского, российского, европейского, американского, китайского и всего мирового пролетариата сможет остановить эти и грядущие войны кризиса мирового порядка. Восстановление интернационализма возможно. Это нелёгкая задача, но в то же время единственный путь.

предоставляет некоторые данные о зонах нелегального труда: они были обнаружены в 405 итальянских муниципалитетах, что вдвое больше, чем 205, выявленных в 2018 году. Отметим, что если 194 из этих муниципалитетов находятся на юге Италии, где проживает 600 тыс. сельскохозяйственных работников, то 211 – в центре и на севере страны, где их насчитывается 460 тыс.: здесь выделяются Венето, Эмилия-Романья, Тоскана, Пьемонт и Ломбардия.

Среди исследуемых районов – провинция Тревизо, где «иностранец является постоянным и решающим в выращивании виноградников и производстве просекко»: «итальянское совершенство» также скрывает в себе различные «формы эксплуатации труда». Речь здесь идёт о незаконном посредничестве, называемом иначе “капоралато”. И в этом аспекте просекко конкурирует с шампанским.

Европейские классы

Ещё один захваченный исследованием элемент – социальная пирамида иммигрантов. С одной стороны, растёт распространённость школьного образования: 12 % учеников начальной школы – иностранцы, однако число падает до 8 % в старшей школе и, наконец, до 6 % от записанных в университеты. Эти цифры растут, что свидетельствует о том, что всё больше инженеров и технических специалистов, являющихся детьми иммигрантов, вступают в мир труда.

С другой стороны, число компаний, управляемых иммигрантами, также увеличилось на 41,5 % за десятилетие 2011–2021 годов по сравнению с

общим сокращением числа итальянских компаний на 4,1 %. В трёх случаях из четырёх это индивидуальные предприниматели, однако за тот же период число акционерных обществ выросло на 150 %, и теперь на них приходится почти каждое пятое предприятие, что свидетельствует о развитии иммигрантской буржуазии.

Наконец, подтверждается высокий уровень синдикализации: в профсоюзы вовлечено более миллиона, или 44 % работников, родившихся за рубежом, по сравнению с 36,7 % итальянцев. Иммигранты составляют 13,5 % активных членов отраслевых профсоюзов: 25–30 % среди строителей, 20–25 % среди работников агропромышленного комплекса, логистики и транспорта, 20 % в промышленности в её узком понимании.

Решающую роль в построении связей с профсоюзами играет их учреждения социальной защиты, предоставляющие помощь, в частности, в вопросах получения вида на жительство и гражданства. Это не умаляет того факта, что миллион рабочих состоит в профсоюзе – это область, нуждающаяся в организации, но из которой могут выйти и организаторы: это европейский класс наёмных работников нашего века, на который направлена ленинистская деятельность.

Пароди завершил свою статью 1967 года так: «Ленинистский интернационализм [...] может и должен сблизиться с европейским рабочим, чтобы направлять его в интернационалистической борьбе против капитализма и империализма».

Lotta comunista, ноябрь 2023 г.

Чэнь Юнь предвосхищает фискальную и монетарную централизацию

В книге «Антиинфляционная мысль и практика Чэнь Юня», изданной на китайском языке в 2015 году, бывший заведующий бюджетом в Министерстве финансов КНР Гао Цян пишет: анализируя дела Чэнь Юня, несложно заметить постоянную политическую интерпретацию инфляции. Чэнь Юнь обращается к аналогии с «гоминьдановской гиперинфляцией» в трёх ключевых моментах.

В 1950 году перед властями стояла задача сделать из юаня надёжную валюту. Китай имел долгую историю обращения металлических денег, но с бумажными у него сложились неоднозначные отношения, «стабильность цен очень важна для поддержания единства страны». Чэнь Юнь внимательно изучал «сигналы, исходящие от цен на местах», поскольку «хорошо знал национальную буржуазию и понимал: когда цены стабильны, она будет кричать: «Долгой жизни председателю Мао!», – но, когда цены начинают колебаться, она будет разжигать мятеж и воспользуется им для спекуляции».

Обращение к «двенадцати годам гиперинфляции» снова происходит в феврале 1962 года, после Конференции семи тысяч кадров, когда Китай был потрясён «великим голодом» и капиталисты Нанкина объявили Чэнь Юню: «Юань больше не начальник». «Большой скачок» закрутится в военно-политический кризис «культурной революции», но, как это часто бывает в случае китайских текстов, Гао Цян лишь поверхностно пробегает по монетарным сражениям того периода. Он возвращается уже к позиции, которую Чэнь Юнь занимает в 80-е годы, когда «реформы и открытость» раздували провинции и «психологические ожидания» классов и фракций классов.

«Решётка» поколений

В 1979-м и 1980 году Чэнь Юнь, хотя и участвовал в реформировании экономических ведомств правительства, но не хотел брать на себя слишком обременительные обязательства прямого управления экономикой, «оставляя эту честь новым поколениям». Сам он требовал времени, чтобы «поразмислить о стратегических вопросах» (Е Юнле. Чэнь Юнь повлиял на Китай, 2013). Как раз Чэнь Юнь в 80-е годы предложил «пересекать реку, опираясь на камни», обращаясь к новому политическому поколению Ху Яобана и Чжао Цзыяна. «Мы – страна с миллиардом жителей и 800 миллионами крестьян. Развиваемся в этих условиях. Мы должны признать это и видеть трудности. Немногие это понимают».

Это годы, когда ритм реформам навязывали прибрежные провинции: «Некоторые отправляются за границу для расследований и возвращаются морским бризом. [...] Они хотят ускориться. [...] Они видят только ситуацию в других странах, не видят реальности нашей страны». «Теория решётки» Чэнь Юня также имела значение для сдерживания забегающих вперёд политических течений, исходящих из провинций, наиболее привлечённых мировым рынком. Компромисс с Дэн Сяопином и затем

решение выйти из консультативной комиссии старейшин, заседавшей параллельно с Постоянным комитетом Политбюро ЦК КПК в решающие моменты 1989 года, – тоже знак поддержки смены поколений.

Чжао Цзыян и «валюта» Гуандуна

По словам Гао Цяна, Чэнь Юнь считал, что поколение Чжао Цзыяна слишком спешило под влиянием некоторых провинций. В 1980 году начало проявляться давление юга, которое добралось и до монетарной власти. Чжао Цзыян сообщил местным кадрам в Гуанчжоу, что «отделение [Народного] банка Китая в Гуандуне будет работать параллельно с Банком провинции Гуандун и станет провинциальным банком». Вице-премьер по экономике Яо Илин, получивший образование в Хэбэе во время войны и затем в органах центральной власти, язвительно комментировал эту ситуацию: «Ну, пусть тогда Гуандун будет независимым государством!» (Shih V., «Factions and finance in China», 2008). Чэнь Юнь же выступил в Политбюро: «Сколько времени мы потеряли со времён Опиумной войны? Неужели так сложно подождать ещё три года!».

Как пишет Гао, Чэнь выступал против «предложения эмитировать местную валюту», защищая «монополию юаня». «Действительное реформирование монетарной политики основывается на концентрации права на эмиссию денег», – таков урок гиперинфляции в период правления Гоминьдана. Чжао Цзыяна обвинили в недооценке регионального нарушения равновесия, которое в 1980 году усиливало инфляцию, и Дэн Сяопин согласился с Чэнь Юнем. Однако отношение Чжао к локальным кадрам изменилось только частично: «Если весь Китай последует примеру Гуандуна, возникнут крупные проблемы. [...] Послушайте, когда я приезжаю, чтобы выслушать вас, то чувствую себя очень хорошо, что должен вам что-то дать, но, когда возвращаюсь в Пекин, всё сразу меняется».

«Особые экономические зоны» задумывались об эмиссии собственной валюты, и Чэнь Юнь должен был вмешаться, чтобы их остановить, когда они уже запустили печатный станок. Шэньчжэнь, ко всему прочему, хотел сохранить оксюморон – «местный центральный банк». Чэнь разоблачает «бесконтрольную эмиссию банком». Наконец, в 1987 году Чжао Цзыян разрешает НБК в Гуандуне зафиксировать процентные ставки в рамках «диапазона колебаний» относительно величины национальных ставок. Инфляция и паника 1988 года приводят к неизбежному прояснению.

Настоящий центральный банк

Чэнь Юнь ставит вопрос перед ЦК в октябре 1988 года. Он утверждает: «Центральная политическая власть должна основываться на центральной экономической власти. Если центральное правительство не имеет экономической власти, его политическая власть будет хрупкой. Центральному правительству следует концентрировать власть в экономике. Оживлять

ДЕВЯТЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ФИЛИАЛОВ КИТАЙСКОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО БАНКА

экономику – это правильно, но слишком расплывшаяся власть хаотична, и её сложно оживить». И далее даёт два указания, предвосхищающие борьбу 90-х годов.

Что касается монетарной власти, «в обращении находится слишком много бумажных денег, эмиссия должна быть высоко концентрированной». Что касается фискальной власти, «чтобы переломить нынешнюю хаотичную экономическую ситуацию, мы должны сперва сделать ставку на налоговый бюджет, в особенности центральный» (Chen Yun, «Selected Works». Vol. 3: 1956–1994. Beijing: Foreign Languages Press, 1999). Гао вспоминает «две крупные инфляционные волны 1988–1989 и 1993–1994 годов» как моменты определения стратегии Чэнь Юня, предвещающие налоговую и монетарную реформы, доведённые до конца Цзян Цзэмином и Чжу Жунцзи. Коснёмся ключевых аспектов.

В 1995 году усиление независимости центрального банка относительно местных властей запустит реорганизацию 31 провинциального отделения в 9 региональных филиалов по модели американской ФРС, вырывая местные офисы из-под влияния провинций. Только тогда, по мнению Гельмута Шмидта, Народный банк Китая станет «настоящим центральным банком, способным проводить единую национальную монетарную политику» (см. предисловие к книге Чжу Жунцзи «Zhu Rongji on the Record», 2013).

Налоговая реформа 1994 года

По поводу налогов Гао пишет, что со второй половины 80-х по первую половину 90-х отношения налоговых поступлений к национальному доходу и отношение поступлений в центр к общим поступлениям сократились, «сильно

ослабляя способность центрального правительства осуществлять макроэкономический контроль над национальной экономикой» (Op. cit., 2015).

В 1995 году в тексте для МВФ Гао добавляет, что «система распределения налогообложения» между центром и провинциями, введённая в 1988 году, позволяла местным властям удерживать 90 % роста налоговых поступлений, подрывая «прежний единый контроль государства над поступлениями и тратами» (Gao Qiang, «Reforming China's Public Finances», 1995).

Только благодаря реформе 1994 года «доля поступлений в центр увеличилась с 22 % в 1993 году до 56 % в 1994-м» с благословения старика Чэнь Юня (Гао Цян. Op. cit., 2015).

Демократия и плюрализм

Эти глубокие центробежные силы отразятся в происшествии на площади Тяньаньмэнь 4 июня 1989 года. Чжао Цзыян, теоретизирующий о «парламентской демократии» как наилучшей политической системе для представительства толчков плюрализма, выйдет из сражения побеждённым. Дэн Сяопин и Чэнь Юнь, напротив, будут с помощью военного положения защищать «несовершенный плюрализм» партии-государства.

В мае 1990 года Чэнь Юнь сделает из этого кризиса вывод: «Очень сложное политическое событие [...], более того, специфическая политическая борьба внутри нашей партии [...], к чему добавляется то, что некоторые газеты центрального правительства вели неправильную пропаганду». Он подчёркивает и другой аспект, часто остающийся на втором плане в политическом анализе кризиса июня 1989 года, – плюрализм китайских СМИ.

Гиганты Азии: кризис на площади Тяньаньмэнь

Тяньаньмэнь выявляет равновесие властей

Одним из важных тезисов, которые можно найти в *"The Tiananmen Papers"*, является мысль Эндру Нейтана из Колумбийского университета, под редакцией которого вышел сборник. По словам Нейтана, линия Чжао Цзяяна против введения военного положения на площади Тяньаньмэнь в мае – июне 1989 года могла бы завоевать большинство в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК, но получила два голоса в поддержку при двух голосах против и одном воздержавшемся. Поскольку Постоянный комитет зашёл в тупик, решение было делегировано «внеконституционному апелляционному суду». Восемь бессмертных, которые ввели военное положение, заставили Чжао уйти в отставку, назначили на его место Цзян Цзэминя и одобрили подавление манифестаций с помощью армии.

Отношение между властью Постоянного комитета и властью Восьми бессмертных было зафиксировано резолюцией Политбюро в октябре 1987 года – об этом Чжао упомянул на встрече с Михаилом Горбачёвым 16 мая, а также на собрании Постоянного комитета в доме Дэн Сяопина 17 мая. Согласно этому закону, Постоянный комитет обязался обращаться к Восьми бессмертными в случае противоречий, а Дэну предоставлялось право «принимать окончательные решения». Ещё одна резолюция позволяла Ян Шанькуну и Бо Ибо участвовать в заседаниях Политбюро в качестве не имеющих право голоса наблюдателей от Восьми бессмертных. Обе резолюции были продуктом дефенестрации Ху Яобана на XIII съезде КПК, когда пост генерального секретаря перешёл к Чжао, хотя, в сущности, оставался под покровительством Дэна как «единственной тётки» и председателя Центрального военного совета КНР. Ян Шанькун напоминает об этом как раз вечером 17 мая, когда Чжао Цзяян и Ху Цили голосуют против введения военного положения, Ли Пэн и Яо Илин голосуют за, а Цяо Ши воздерживается.

Внеконституционное равновесие 1987 года

Протоколы, которые переправил на Запад Чжан Лян и подлинность которых отрицается официальным Пекином, помогают восстановить картину развития событий и кризиса, но не являются решающими. В книге «О Китае» Генри Киссинджер с дипломатической осторожностью цитирует только предисловие и введение, представляя слово Нейтану. Серджи Романо пишет: «Чтобы избежать попадания в старую ловушку – дневников Гитлера, писем Черчилля к Муссолини, многочисленных мемуаров Наполеона, что гуляли по Европе после ссылки императора на остров Святой Елены, – американские исследователи подвергли Чжана и его бумаги тройной академической проверке и пришли к заключению, что документы подлинные» (Romano S., "I volti della storia", 2001). При этом многие аспекты, включая выдержки из протоколов, уже просочились в гонконгскую прессу или другие источники, потому что КПК была разделена (Mezzetti F., "Da Mao a Deng", 1995). «Серьёзным изданием», заслуживающим доверия, была *Far Eastern Economic Review* (Han Suyin, "Wind in My Sleeve", 1991).

По словам Нейтана, роль Восьми бессмертных была внеконституционной, но законной. Он пишет, что в китайской политической системе нет «горизонтальных [судебных или законодательных] органов», которые могли бы разрешать тупиковые ситуации, поэтому «важные вопросы проталкивались вверх». Композиция власти 1987 года, таким образом, была необходимым

результатом «политических дилемм, неотъемлемых» для 80-х годов, когда происходившие «модернизации» не могли не породить «законные различия во мнениях» между крупнейшими китайскими руководителями.

Настоящий плюрализм властей

Во время испытания событиями на площади Тяньаньмэнь, подчёркивает Нейтан, китайский «централизм» укрепился: ни одна провинция не порвала с центральным правительством, а армия осталась единой, за исключением изолированных случаев. Однако дополнительное внимание заслуживает как раз линия Дэна против классического «разделения на три ветви власти», озвученная именно на XIII съезде (см. Единство Большого Китая связывает Гонконг и Тайвань // Пролетарский интернационализм № 83, июль 2021).

В буре над Пекином, в сущности, столкнулись линии плюрализма сил, которые разошлись по вопросу политической формы, которую нужно придать китайскому государству в кратко-, средне- и долгосрочной перспективе. Различные течения нашли своих представителей и в Постоянном комитете, и среди Восьми бессмертных. Они являлись выражением сглаженного в результате долгих политических битв экономического плюрализма, который уже десятилетие пересекал провинции на огромных просторах Китая и ускорил своё развитие в период «реформ и открытости». Настоящее откровение кризиса на площади Тяньаньмэнь в этом и заключается – в плюрализме, который в Китае выражается посредством диалектики политических властей в определённых и специфических институтах.

Баланс между Восемью бессмертными и Постоянным комитетом проявился в форме падения в штопор политического кризиса. По мнению Нейтана, его специфическая динамика – это динамика непреднамеренного результата как для студентов, так и для режима. Однако ситуация усложнилась, когда «некоторые провинциальные лидеры поставили центральное правительство в известность о своих проблемах, позволив радикальным студентам бесплатно путешествовать на поездах». Считается, что на руководство сильно повлияли выступления, бушевавшие в других провинциях, как видно из многочисленных докладов, отправленных в Пекин локальными комитетами, полицией и службами «Синьхуа».

Генеральная линия синтезирует плюрализм сил

По мнению Чжао Цзяяна, в реальности манифестации являлись поводом ускорить реформы в направлении «социал-демократической системы» и особого равновесия между «демократией и законом». Ему возражал Ли Пэн, отмечая, что беспорядки препятствуют какой бы то ни было политической реформе; «реформа и открытость, демократия и закон, социалистическая модернизация – называйте это как хотите». Противоположные мнения, расходившиеся, как мы увидим, и по другим частным позициям, находили генеральный синтез на совместных заседаниях Восьми бессмертных и Постоянного комитета в доме Дэна, где были представлены наиболее сильные политические течения и военные.

Как пишет Нейтан, «погружение в трагедию вначале казалось медленным, но впоследствии ускорилось, когда трещины в обоих лагерях стали глубже». 4 мая наличие «двух партий» внутри Постоянного коми-

ДВЕ ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАЛАТЫ В 1989 ГОДУ

Постоянный комитет Политбюро

Чжао Цзяян (1919, провинция Хэнань). Генеральный секретарь КПК и заместитель председателя Центрального военного совета (ЦВС). Секретарь провинции Сычуань, перед и после культурной революции – секретарь провинции Гуандун, премьер-министр с 1980 по 1987 год. После 4 июня был смещён со всех своих постов и помещён под домашний арест.

Ли Пэн (1982, Шанхай). Председатель Госсовета (премьер-министр). Приёмный сын Чжоу Эньляя и Дэн Инчао. Инженер-электрик, он занимал пост вице-министра ведомства контроля за водой и электроэнергией, был секретарём генерального секретариата партии и вице-премьером. В 1998 году становится председателем Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Автор книги "Critical Moment", 2010.

Яо Илин (1917, Гонконг). Первый заместитель премьера. Связан с Чэнь Юнем и Ли Сяньнинем, считается экспертом экономического планирования. Был министром торговли, секретарём экономического и финансового комитета Госсовета и директором Госплана.

Цяо Ши (1924, Шанхай). Член секретариата партии, секретарь Центральной дисциплинарной комиссии (1987–1992) и Комиссии по политико-юридическим делам (1985–1992), ответственный за Верховный народный суд, Верховную народную прокуратуру, министерство государственной безопасности и министерство юстиции. Бывший директор Главного управления КПК и отдела по внешним делам и организации. В 1993 году становится председателем Постоянного комитета ВСНП. Автор "О демократии и системе законов" (Пекин, 2012).

Ху Цили (1929, провинция Шэньси). Секретарь центрального секретариата по пропаганде и идеологии, вице-президент Университета Цинхуа. Был секретарём Комсомола под началом Ху Яобана в 60-е годы, министром индустрии электроники, директором Главного управления партии. Смещённый со всех своих постов в 1989 году, в 1991 году он стал заместителем министра машиностроения, в 1993 году – замминистра индустрии электроники, а в 1998 году – вице-председателем Народного политического консультативного совета (НПКС).

Восемь бессмертных

Дэн Сяопин (1904, провинция Сычуань). Председатель ЦВС. Генеральный секретарь и член Постоянного комитета в 50-е годы. Отстранённый от дел во время культурной революции, он снова занял руководящие должности в 1974 году, когда стал вице-председателем партии, вице-премьером и главой генштаба. Снова репрессированный в 1976 году, он вернулся к власти уже после смерти Мао и ликвидации банды четырёх, став членом Постоянного комитета, вице-председателем ЦВС и вице-премьером. Председательствовал в НПКС с 1982 по 1987 год. Считается «ядром» второго поколения партии.

Чэнь Юнь (1905, Шанхай). Председатель НПКС с 1987 по 1992 год. Является одним из основателей КНР наравне с Мао Цзэдуном,

Лю Шаоци, Чжу Дэ и Чжоу Эньляем. Во время культурной революции находился в изгнании, вернулся в 1979 году, став вице-председателем партии, членом Постоянного комитета и первым секретарём Центральной дисциплинарной комиссии. Считается отцом экономического планирования и юаня.

Ли Сяньнин (1909, провинция Хубэй). Председатель НПКС. Бывший председатель КНР (1983–1988) и член Постоянного комитета. Олекун Ухани и министр финансов, входил в февральское противотечение во время культурной революции; впоследствии поддержал Хуа Гофэна. Был одним из главных оппонентов Чжао Цзяяна и вместе с Чэнь Юнем продвинул кандидатуру Цзян Цзэминя на смену Чжао в 1989 году. См. "Биография Ли Сяньнина" (Пекин, 2009).

Ян Шанькун (1907, Чунцин). Вице-председатель республики и генеральный секретарь ЦВС. Председатель КНР (1988–1993). Долгое время был директором Главного управления партии и близким товарищем Дэн Сяопина во время и после культурной революции, стоял во главе военной модернизации. Он был связующим звеном между Восемью бессмертными и Постоянным комитетом, контролировал военных во время кризиса на площади Тяньаньмэнь и поддержал кандидатуру Цяо Ши на пост генсека.

Бо Ибо (1908, провинция Шаньси). Заместитель главы НПКС. Первый министр финансов Китая в 50-е годы, член Политбюро и вице-премьер. Сторонник «реформ и открытости», с 1982 года помогал Дэню и Чэнь Юню в надзоре за организацией партии.

Ли Чжэнь (1902, провинция Шаньси). Первый мэр Пекина, смещён с поста культурной революции. В 80-е годы становится председателем Постоянного комитета ВСНП (1983–1988) и секретарём Центральной комиссии по политико-юридическим делам (1980–1983). Расширил конституцию в 1982 году, а также уголовный кодекс, электоральное законодательство и законы о совместных предприятиях. Представитель «законной демократии», он ввёл в Китае изучение иностранных конституций и считается основателем «социалистической системы законодательства» (Чжу Лиюй. Пэн Чжэн и строительство демократии и законодательства в Китае. Пекин, 2014). В 1989 году представил кандидатуру председателя ВСНП Вань Ли на пост генерального секретаря.

Ван Чжэнь (1908, провинция Хунань). Заместитель председателя КНР (1988–1993) и бывший вице-председатель НПКС (1982–1985). Единственный генерал, которому позволялось входить с оружием в помещение, где присутствовал Мао. Близкий соратник Ли Сяньнина и Дэн Сяопина. В мае 1989 года за закрытыми дверями критиковал Дэна за то, что тот до последнего защищал Чжао, и предложил заместить последнего Ли Пэном.

Дэн Инчао (1904, провинция Гуанси). Вдова Чжоу Эньляя, отличавшаяся выдающимся политическим чутьём, занимала пост председателя Народной консультативной конференции (1983–1988), заместителя секретаря в Центральной дисциплинарной комиссии и была членом Политбюро.

тета становится очевидным, его замечают даже провинции. 17 мая Дэн смещает Чжао и предлагает ввести военное положение. Таким образом, решающее сражение разыгрывается в течение нескольких дней. Было лишь вопросом времени, когда молодёжь в Пекине и других городах должна была сполна заплатить за его последствия.

Безжалостная логика политической борьбы пожелала, чтобы определённое равновесие властей разбило плюралистическую линию Чжао и пролило кровь студентов. В *"The Tiananmen Papers"* содержится куда больше трагической иронии, чем хочет признать Пекин.

Плюрализм разделяет Постоянный комитет Политбюро ЦК КПК

Кризис на площади Тяньаньмэнь служит неопровержимым доказательством закономерности утверждения демократии. Даже в рамках китайской несовершенной политической оболочки ход капиталистического развития, ускоренный десятилетием «реформ и открытости», породил у буржуазных фракций и их политических течений, борющихся за приспособление государства к новым условиям, различные точки зрения. Если ограничиться поверхностным взглядом, то может показаться, что эти течения различались своим отношением к студенческим выступлениям, последовавшим за смертью Ху Яобана. Если копнуть глубже, то можно понять, что они сталкивались по поводу вопроса об использовании демократии как лучшей оболочки буржуазной диктатуры, то есть о форме, обрамляющей содержание в лице плюрализма экономических сил. Не будь этих столкновений, не будь провинциальных движений, связанных с разными ориентациями внутри государства, студенческие манифестации не смогли бы спровоцировать политический кризис в самых верхних эшелонах власти.

Партия 26 апреля

В своих мемуарах Чжао Цзыян обвиняет премьера Ли Пэна в том, что он надавил на Дэн Сяопина 25 апреля на встрече с Ли Симином и Чэнь Ситунем, соответственно секретарём и мэром Пекина (Zhao Ziyang, "Prisoner of the State", 2009). По словам Чжао, пекинские шишки, сообщая о ситуации Дэн, преувеличили её тяжесть, чтобы в редакционной статье "Жэньминь жибао" от 26 апреля атаковать студенческое движение или, скорее, политические течения, пытавшиеся его оседлать.

Чжао приводит содержание разговора с Вань Ли, председателем Постоянного комитета китайского парламента (Всекитайского собрания народных представителей, ВСНП): два старых приятеля, вместе проводивших аграрную реформу в провинциях Гуандун и Аньхой, были согласны в том, что партия «слишком бурно отреагировала» на студенческие движения из-за «устаревшей ментальности» Пекина и Тяньцзиня, «двух столиц» севера.

Партия 4 мая

Ли Пэн же в своих дневниках обвиняет Чжао Цзыяна в желании повлиять на партию речью в Азиатском банке развития от 4 мая, когда тот публично дистанцировался от позиции редакции (Li Peng, "Critical Moment", 2010). Чжао говорит, что редакционная статья от 26 апреля привела к радикализации студентов. Ли Пэн отвечает, что именно речь от 4 мая придала им смелости. Кроме того, в дневниках Ли развёрнуто уточняет, что там, где пишут «студенты» следует читать «политические течения» партии. По версии *South China Morning Post*, речь от 4 мая была также согласована с Дэн.

Битва воспоминаний и рассказов, сублимированных на страницах книг, журналов и газет, является физическим отражением политической битвы. Ли Пэн говорит, что Чжао был в меньшинстве в Постоянном комитете. Чжао, наоборот, утверждает, что 4 мая ещё был в большинстве. Другие реконструкции объясняют «военное положение» типичной ситуацией в Постоянном комитете; ещё одним из виновников был Ли

Пэн. Так, по словам Ли, в решающий момент Цяо Ши проголосовал за, а Ху Цили воздержался. Смысл в том, что плюрализм политических ориентаций, детерминированных раздробленностью китайской буржуазии, нашёл выражение в плюрализме властей в рамках однопартийной оболочки.

Военное положение замораживает плюрализм

Доклады из провинций показывают, что благодаря «4 мая» стал очевиден раскол внутри Постоянного комитета: Ляонин и Пекин пожаловались, что Чжао не согласен с редакционной статьёй; Шанхай заявил, что Чжао выразился неясно; Цзянсу и Юньнань потребовали от центра удовлетворить некоторые студенческие требования; Чжэцзян посчитала, что властям не стоило чрезмерно реагировать на выступления; Гуандун потребовала лучших каналов коммуникации между правительством и «гражданами»; с точки зрения Шэньси, редакционная статья была слишком жёсткой; Ганьсу выступила за подавление коррупции, а не её критики студентами; Сычуань поддержала речь Чжао. Таким образом, уже 5 мая линия Чжао Цзыяна приобрела довольно широко региональную базу.

Согласно интерпретации Ли Пэна, «военное положение» имело двойное значение: преодолеть раскол в Постоянном комитете, породивший смятение, и предотвратить кризис «национального масштаба», в который начали выливаться эти события, распространившись на провинции. Отсюда настойчивое требование консенсуса в ЦК, где имели голос кадры более низкого звена, и внимание к включению «меньшинств» после введения военного положения в Пекине 20 мая. Настаивал на своём и Чэнь Юнь, вплоть до утверждения, что Чжао Цзыян должен остаться членом партии, а Ху Цили — членом ЦК: по его мнению, это должно было «способствовать стабильности и единству, воспитанию и единству большинства» (Е Юнле. Он повлиял на Китай: Биография Чэнь Юня. Чэнду, 2013).

Плюрализм властей с китайской спецификой

Задачу нельзя считать решённой, если не учитывать всё многообразие государственных властей, в котором отражался плюрализм буржуазных фракций, разделивший Постоянный комитет и нашедший региональные выражения в провинциях. Эффективность военного положения обеспечивалась контролем Дэна над Центральной военной комиссией, вице-председателями которой являлись Чжао и Ян Шанкунь. *Февральская партия* после окончания культурной революции гарантировала, что плюрализм, развившийся из хода «реформ и открытости», не приведёт к расколу в среде военных. В этом смысле опыт десяти лет культурной революции позволил завершить кризис на площади Тяньаньмэнь в течение 13 дней.

Совещательная комиссия Восьми бессмертных, по сути, представляла собой дополнительный гарантирующий орган, что-то вроде «внеконституционного апелляционного суда» для внутренних разломов в Постоянном комитете, доверенного новому поколению. Наконец, как мы увидим, попытка использовать ВСНП, чтобы найти парламентский выход из кризиса, не получила большинства голосов в По-

ХРОНОЛОГИЯ: РЕДАКЦИОННАЯ СТАТЬЯ ОТ 26 АПРЕЛЯ И РЕЧЬ ОТ 4 МАЯ

15 апреля. После инфаркта на собрании Политбюро 8 апреля умирает генеральный секретарь до 1987 года Ху Яобан.

17 апреля. Выступления в Пекине, Шанхае, Тяньцзине, Нанкине, Сиане. Японская пресса сразу предупреждает, что в контексте широкого недовольства инфляцией и студенческих требований против коррупции и за большую демократию манифестации из выражения скорби могут вылиться в испытание для правительства. Ли Пэн отмечает, что «Жэньминь жибао» поощряет студентов.

18 апреля. В Пекине студенты Китайского народного и Пекинского университетов представляют «семь требований» к ВСНП. Среди них значатся реабилитация демократической мысли Ху Яобана, отказ от кампаний против «духовного загрязнения» и «буржуазной либерализации» 80-х годов, увеличение государственных трат на образование и зарплат интеллигенции, созыв демократических выборов для замены виновных в коррупции чиновников.

20 апреля. Осада ворот Синьхуа. Студенты Пекина называют Ху Яобана «народным секретарём». Создание неофициальных студенческих ассоциаций в Пекине, Сиане, Нанкине, Ухане, Хэфэе. Среди лозунгов студентов появляется также призыв к «федерализму провинций».

22 апреля. Похороны Ху Яобана. Столкновения в Сиане: наряду с недовольством инфляцией звучат требования повышения зарплаты и решения жилищной проблемы. Грабежи в городском округе Чанша (провинция Хунань), где ещё год назад происходили вооружённые стычки в связи требованиями решения земельного вопроса.

25 апреля. Собрание Постоянного комитета в доме Дэн Сяопина. Дэн требует положить конец манифестациям, называя их «политическим восстанием», как во времена культурной революции. Генеральный секретарь КПК Чжао Цзыян отсутствует, поскольку 23 апреля отбыл с визитом в Северную Корею. В Шанхае Цзян Цзэминь закрывает реформистскую газету *World Economic Herald*, кото-

стоянном комитете парламента. И всё это происходило в контексте социального кипения, 26 %-ной инфляции и появления 10 млн новых безработных пролетариев в городах (*Far Eastern Economic Review*, 22.06.1989).

Социальные и политические контрудары «паники 1988 года» — следствие десятилетия быстрого неравномерного экономического развития и «открытия» мировому рынку, в течение нескольких дней запечатлели на исторической плёнке как минимум три структуры власти: 1981 года, когда председательство в Центральной военной комиссии перешло от Хуа Гофэна к Дэн Сяопину; 1982 года, когда с подачи Пэн Чжэня конституция увеличила полномочия Постоянного комитета ВСНП; и 1987 года, когда образовалась институциональная композиция из Постоянного комитета Политбюро и Восьми бессмертных.

Определённые и специфические институты

Таким образом, кризис на площади Тяньаньмэнь, как и культурную рево-

рая, по данным гонконгской прессы, опубликовала некролог в честь Ху Яобана.

26 апреля. Редакционная статья «Жэньминь жибао» против студенческих выступлений озвучивает позицию Дэна, разделяя массы студентов и меньшинство, которое их использует. Чжао из Кореи одобряет публикацию статьи.

27 апреля. В ответ на «редакционную статью 26 апреля» из крупнейших городов выступления распространяются на провинции Шэньян, Далянь, Шицзячжуан, Цзинань, Наньнин, Куньмин, Шэньчжэнь, Иньчуань, Гуйлинь.

28 апреля. Премьер Ли Пэн созывает расширенный Постоянный комитет, встреча завершается решением начать диалог со студентами.

29 апреля. Пресс-секретарь Госсовета Юань Му встречается с легальными студенческими организациями. Встречу транслирует телевидение.

30 апреля. Выступления в 23 городах в ответ на диалог с Юань Му, который был назван «фарсом». Демонстрации в Шанхае, Тяньцзине, Ухане, Ланьчжоу, Чанчуне, Шэньяне, Ханчжоу, Чанша, Чунцине, Чэнду, Сиане. В Пекине всё спокойно.

1 мая. Чжао Цзыян созывает Постоянный комитет. Острое противостояние между Чжао Цзыяном и Ли Пэном по вопросу темпов политических реформ.

3 мая. На семинаре в Пекине, организованном *Asia-Pacific Economic Times* из Гуанчжоу, в котором участвует редакция *World Economic Herald* из Шанхая, звучит требование «свободы печати». Переговоры между Чжао и председателем ВСНП Вань Ли по вопросу «демократии и правового государства».

4 мая. В Азиатском банке развития Чжао Цзыян произносит речь, написанную Бао Туном, в которой акцентирует внимание на «разумных требованиях» «большинства» студентов. Он сообщает о своём несогласии с «редакционной статьёй от 26 апреля». Выступления в 51 городе: появляются требования либерализации печати и основания «частных газет». В Пекине 200 журналистов требуют «свободы печати».

люцию, можно расценивать как сражение за определение институциональной структуры Китая.

«С точки зрения марксизма, — пишет Арриго Черветто в «Политической оболочке», — существует многообразие экономических сил, которые становятся силами политическими. Власть является таковой, если она имеет реальную основу, то есть если она представляет реальную экономическую силу. Равновесие властей является, следовательно, равновесием политических волей буржуазных фракций в рамках определённых и специфических институтов»¹. Безусловно, эти «определённые и специфические» институты может сформировать только конкретный ход политической борьбы.

Lotta comunista, сентябрь 2020 г.

1 — Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ "Новый Прометей"», 2010. С. 45 (перевод исправлен).

Чжао Цзыян предлагает социал-демократию сверху

На собрании Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК 1 мая Чжао Цзыян и Ли Пэн сконцентрировались на политической интерпретации студенческих выступлений. С точки зрения Чжао, манифестациями следовало воспользоваться, чтобы «ускорить реформу нашей политической системы, особенно в отношении строительства социал-демократической системы».

Чжао рассчитывал предвосхитить возникновение политических движений, аналогичных тем, что вынашивались в кризисе фальшивого социализма в Восточной Европе, сопровождая и контролируя их сверху: «Тенденция на мировом уровне – двигаться в сторону демократии [...]. Если партия не поднимет флаг демократии в нашей стране, то это сделает кто-нибудь другой, и мы проиграем. Я думаю, нам следует твердо взять ситуацию под контроль, а не следовать за ней помимо воли. Мы, несомненно, должны настаивать на примате компартии и не играть с какой попало западной многопартийной системой», – и добавил, что «партия должна приспособиться к новым временам и новым ситуациям и научиться использовать демократию и закон, чтобы решать новые проблемы».

Теория демократии малыми дозами

В 1989 году генеральный секретарь пока не поддерживал парламентскую демократию – как он это делает в дневниках во время домашнего ареста, – разве что в долгосрочной перспективе. Однако он перечислил ряд пунктов, как использовать демократию под контролем КПК, «чтобы построить социалистическую демократическую систему, что подойдет под особенную китайскую ситуацию».

Он поддерживал «полное действие» Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) – китайского парламента; «политический консенсус под коммунистическим руководством» КПК с малыми партиями, формально признанными в рамках Единого фронта и избранными представителями гражданского общества; реформу выборов непрямой демократии, посредством которой избираются местные и национальные Собрания; наконец, он предлагал «гарантировать и регулировать законом свободу слова, позволить законные выступления и так далее».

Даже эта средняя линия, которая, однако, отрицала сформированную многопартийность и разделение властей, будет временно повержена кризисом на площади Тяньаньмэнь. Мы сможем обнаружить, как Чжао её уточнит уже в другом разговоре, опубликованном всё в тех же «*Tiananmen Papers*». Чжао, видимо, принимал во внимание даже антигосударственные формы, которые принимала классовая борьба в других недемократических политических оболочках: «Когда допускается некоторая демократия, всё может выглядеть “хаотичным” внешне, однако эти маленькие “проблемы” нормальны в рамках законности и демократии: они предупреждают более крупные потрясения и в реальности со временем способствуют стабильности и миру».

Постепенное добавление “сдержек и противовесов”

Пока речь шла о «некоторой демократии». В дневниках Чжао Цзыян наме-

ренно оставляет за скобками конкретный момент, когда его позиция изменилась. Ещё раз приведём отрывок, который уже цитировали в одной из предыдущих статей (см. Единство Большого Китая связывает Гонконг и Тайвань // Пролетарский интернационализм № 83, июль 2021): «Самой я задумывал для Китая в то время, до 1989 года, определённо не была адаптацией к многопартийности или западной парламентской системе. [...] По моей мысли, партия должна была изменить способ управления».

Затем следуют пять пунктов, которые развивают положения из разговоров в мае 1989 года. Во-первых, следовало увеличить прозрачность процесса принятия решений, сделав достоянием общественности главные решения партии и государства. Во-вторых, установить «множественные каналы диалога с разными общественными группами, силами и интересами», изменив ситуацию, при которой все социальные группы – «торговые палаты, профсоюзы и другие» – представляют собой «единое целое» с КПК и не могут «действительно представлять» частные интересы. В-третьих, изменить избирательную систему, расширить использование демократических выборов и «выборов по дифференцированным квотам», когда кандидатов больше, чем должностей, на которые они избираются. В-четвёртых, позволить другим признанным партиям совершать свою деятельность, пока ВСНП находится на постоянной сессии. В-пятых, позволить большую свободу печати: «не [...] полную свободу печати, [а] контролируемый процесс открытия».

И далее: «Другими словами, это был вопрос политической реформы, [...] очевидно, не полная копия с Запада, а скорее что-то подходящее для китайской ситуации: постепенное добавление демократии и “сдержек и противовесов” в способ управления партии. Власть не может быть монополизирована абсолютно и нуждается в противовесах. Ни один старейшина партии не поддерживал подобную реформу».

Военное положение против предчувствия хаоса

Известна неоднократная оппозиция Дэн Сяопина многопартийности, разделение властей на три ветви и парламентской системе, которые предполагает формула «буржуазной либерализации». «Одно из наших крупнейших преимуществ, – говорил Дэн, – заключается в том, что когда что-то решено [...], можно сразу же беспрепятственно это осуществить, [а] демократический парламентский процесс слишком сложен, движается взад-вперёд, осуществляет решения только на словах. [...] В этом смысле у нас больше эффективности. [...] Я говорю об эффективности в общем. Это наша сила; мы должны сохранить это преимущество». Чжао также признаёт, что Дэн полагал, что консенсус между Восьмью бессмертными ещё не созрел.

17 мая, в момент наибольшего противостояния вокруг кризиса на площади Тяньаньмэнь, на собрании Восьми бессмертных и Постоянного комитета

ХРОНОЛОГИЯ: ВОЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРОТИВ РАСКОЛА В ПАРТИИ

5 мая. Провинции представляют Центру доклады о местной реакции на речь Чжао Цзыяна от 4 мая в Азиатском банке развития.

6 мая. Чжао Цзыян обсуждает реформу печати с Ху Цили и Жуй Синвэнем, бывшим секретарём Шанхая, членом секретариата партии по пропаганде. По одной версии, днём Чжао попросил Ян Шанкуня убедить Дэна скорректировать «редакционную статью от 26 апреля».

8 мая. Собрание Постоянного комитета. Ху Цили требует «увеличить прозрачность и объективность нашей печати. Если мы этого не сделаем, [...] пожалуются сами журналисты».

9 мая. Автономная федерация студентов (АФС) Пекина требует отменить «редакционную статью от 26 апреля», признать нелегальные студенческие ассоциации и вернуть Цинь Бэньли на пост директора *World Economic Herald*. Петицию национальной ассоциации журналистов по этому поводу подписали 1.013 журналистов.

10 мая. Столкновение в Политбюро между Чжао Цзыяном и Цзян Цзэмином вокруг дела *World Economic Herald*. Чжао озвучивает свою критику со страниц гонконгских газет.

11 мая. Ян Шанкунь встречается с Дэном.

13 мая. Чжао Цзыян излагает свои тезисы о «демократии» Дэн Сяопину и Ян Шанкуню. АФС начинает голодовку на площади Тяньаньмэнь. Триста преподавателей Пекинского университета требуют от ЦК, парламента и правительства начать «серьёзный диалог» со студентами.

15 мая. Молодые университетские исследователи Пекина протестуют против низких зарплат и «правительства стариков». В Шаньси проходят выступления против экспорта угля в другие провинции.

16 мая. Государственный визит Михаила Горбачёва в Пекин. Согласно оценкам, по площади Тяньаньмэнь за день прошли 300 тыс. манифестантов: среди них ректоры, деканы и доценты. В Шанхае манифестанты требуют отставки Цзян Цзэмина и возобновления печати *World Economic Herald*, 200 доцентов Университета Фудань призывают к диалогу. Крупные выступления в Ухани в поддержку голодовки. На срочном собрании Постоянного комитета Чжао Цзыян и Ли Пэн сталкиваются по вопросу «редакционной статьи 26 апреля».

17 мая. Дэн Сяопин созывает Постоянный комитет и предлагает ввести в Пекине «военное положение». Вечером, на втором собрании, Постоянный комитет оказывается расколот. Чжао Цзыян угрожает отставками. Манифестации проходят в 27 городах.

18 мая. На совместном собрании Восьми бессмертных, Постоянного комитета и Центрального военного совета принято решение ввести «военное положение» с 21 мая. Чжао Цзыян отсутствует из-за недомогания. Крупные манифестации в 17 провинциальных центрах. Согласно данным министерства железных дорог, за три дня из провинций в Пекин на поездах прибыло примерно 60 тыс. студентов.

дискуссия о социал-демократии приняла менее абстрактную форму. Из тезисов Чжао о построении «демократического социализма» Дэн выводил крайние следствия: «Мы определённо не можем делать это в спешке, и тем более не хотим беспорядка, как на Западе. Если более миллиарда человека внезапно столкнутся с многопартийными выборами, мы получим тот же хаос “тотальной гражданской войны”, который наблюдали во время Культурной революции».

Видя противоречия в Постоянном комитете и расширение движения на «другие города», Дэн предлагал ввести военное положение в Пекине: «Некоторые товарищи не ухватывают суть проблемы, всё ещё думают, что приоритетным вопросом является то, как разговаривать со студентами». В другой фразе он выразился ещё яснее: линия Чжао приведёт к гражданской войне, в которой столкнутся «противостоящие фракции, контролирующая часть армии», и «различные фракции, [которые] получают контроль над различными регионами».

Вес “культурной революции”

Таково фундаментальное возражение против «буржуазной либерализации», то есть против типичной структуры либерального государства. Гипотеза, что многопартийность и разделение властей примут региональный характер, не является академичной, если учесть ключевой опыт «культурной революции», когда январская и февральская партии с помощью военной силы контролировали

провинции, а Постоянный комитет и Центральный военный совет разделились на двойников Директории Банды четырёх и генералов Линь Бяо. Вплоть до крайнего случая 1971 года, когда маршал планировал осуществить что-то вроде государственного переворота и установить военное правление в Гуанчжоу, противостоящее Пекину.

Как считали Восьмь бессмертных, Тяньаньмэнь – не время для маленьких шажков. По мнению Ли Сяньяня, в партии уже существовали «два различных руководящих центра». По мнению Дэна, 4 мая – это «поворот», потому что тогда эта ситуация стала явной. По мнению Ли Пэна, «любой, у кого есть хоть немного политического опыта, может это видеть». По мнению Ян Шанкуня, про «различные течения мысли» уже узнали «во всей стране». Следовательно, военное положение было направлено не столько против студентов, сколько против расколов, открывшихся в партии («Биография Ли Сяньяня», Пекин, 2009).

Родерик МакФаркухар также считает, что речь Чжао от 4 мая «указывает на существование чёткого раскола между крупнейшими руководителями партии» и фактически открывает кризис наследования (MacFarquhar R., «The Politics of China», 1997). Однако «всё было понятно с самого начала», резко заявил Ван Чжэнь в дискуссии между крупнейшими старейшинами партии и указал на «телевизионную постановку, которая имела такой успех в прошлом году, – “Элегия реки”».